

35 коп.

33893

**В ПОМОЩЬ
ШКОЛЬНИКУ**

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

ВСЕВОЛОД РЯЗАНЦЕВ

ДЕМКА ЛОБАН

ПОВЕСТЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕКА „В ПОМОЩЬ ШКОЛЬНИКУ“

Серия Литературно-Художественная на обществоведческие темы

Подобрана и методически обработана

О. А. КОЛЕСНИКОВОЙ

В л а д и м и р с к и й В. — Колька-сподручник. Стр. 16.
Ц. 10 к.

Рабочий подмастерье (сподручник) Колька, талантливый самородок, рано „нутром“ понявший смысл классовой борьбы, еще в дореволюционное время стихийно сплотил вокруг себя рабочее юношество провинциальной фабрики и героически пал ранней жертвой при усмирении рабочего бунта.

В л а д и м и р с к и й В. — Шахта Изумруд. Стр. 77. Ц. 30 к.

Интересный, живо написанный рассказ о жизни детей рабочих на изумрудных шахтах перед революцией и в гражданскую войну. Ярко изображено возникновение и углубление классового чувства у детей, полны интереса и напряжения эпизоды борьбы рабочих с белыми — борьбы, в которой ребята принимают живое и непосредственное участие.

Г р и г о р ь е в С. — Паровоз Э-т — 5324. Стр. 54. Ц. 20 к.

В момент наступления колчаковских войск дети железнодорожных служащих на оставленной красными станции преграждают путь поезду белых.

К р а в ч е н к о А. — Как Саша стал красноармейцем.
Стр. 79. Ц. 30 к.

История деревенского мальчика Саши, трепальщика пеньки у кулака Кобелева. Саша уходит в город, попадает в пролетарскую среду, вырастает в сознательного бойца за коммунизм и идет в Красную армию защищать советскую власть...

Покупайте книги в магазинах и отделениях Госиздата

217/9337

БИБЛИОТЕКА „В ПОМОЩЬ ШКОЛЬНИКУ“

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

НА ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИЕ ТЕМЫ

ПОДОБРАНА И МЕТОДИЧЕСКИ ОБРАБОТАНА

О. А. КОЛЕСНИКОВОЙ

Р 993

ВСЕВОЛОД РЯЗАНЦЕВ

ДЕМКА ЛОБАН

ПОВЕСТЬ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

*научно - педагогической секцией
государственного ученого совета
допущено для школ I ступени*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1930 * ЛЕНИНГРАД

6864.92

У, 17. Гиз № 33893/м.
Ленинградский Областлит № 44934.
6 л. Тираж 10 000.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
ТИПОГРАФИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В избе душно. Дверь настежь. Со двора доносятся неровные удары топора: тук, тят! тук, тят! По столу важно прохаживается пестрая курица. Марья возится у печки. Оглядывается, машет рукой.

— Кши!... Я тебя!...

Курица шумно летит в открытое окно.

— Танька, будет тянуться. Вставай!

Идет в сени, оттуда кричит:

— Демка, а Демка! иди завтракать.

Курносая Танька лежит в одной рубашке. Болтает ногами... В избу молодцевато входит Демка. Ворот у рубахи расстегнут. Лоб у Демки большой. Когда хмурится — похож на взрослого. Замахивается на Таньку топором:

— Ишь, все дрыхнешь... Попролам рассеку...

Сестренка пищит, защищаясь руками...

— Мама!...

Марья ставит на стол чугуны с дымящейся нечищенной картошкой.

— Ах ты, малый!.. Разве можно так?

Демка бросает топор под печь, деловито докладывает:

— Весь хворост изрубил. Остались одни крупные...

— Сынок, ты завтра их изрубишь. Они сырые. Нужно на солнышко. Танька, вставай. Ешьте, пока горячие. Я скоро приду. Не балуйте.

Наскоро откусывает хлеба, берет из чугуна картошку. Уходит.

II

Демка уплетает картошку за двоих. Танька за ним не успевает. Заслоняет рукой чугуны.

— Не дам! Все рассыпушки поел.

Демка, выплюнув изо рта кожу, ухмыляется:

— Не дашь...

Отстраняет руку сестры. Выхватывает из чугуна пару рассыпушек.

Танька тянется через стол, плаксиво всхлипывает:

— Отдай, отдай!..

Демка быстро проглатывает обе картошки совсем с кожей. Делает дурацкую рожу, смешно растопырив грязные руки.

Танька бросает в брата картофельную кожу.

— У, Лобан!

Мальчик прижимает пальцем свой нос, нараспев гнусит:

— Кур-но-ска.

У девочки дергается верхняя губа. Быстро выпаливает:

— Вовсе не курносая. Только ты зовешь курносой. А тебя все зовут Лобаном.

Демка приосанивается. Хмурит большой лоб... Становится серьезным.

— Меня все знают. Я, почитай, такой же мужик. Кошу, молочу, в лес за дровами езжу. Все могу. Вот косу, это правда, отбивать не умею. А ты что? Только морду насыпаешь... Завтракать не добудишься...

Танька запальчиво:

— И буду спать! Не испугалась... Мама сказала... «Спи, пока замуж не вышла... Выйдешь — спать некогда...»

Лоб у Демки все еще хмурится... Но в глазах искрится веселый задор. Шмыгает носом.

— Замуж... Кому ты нужна, курносая неделаха?

Девочка морщит скуластое загорелое лицо... Готова расплакаться... Демка спохватывается. Он знает: если сестренка разнюнится, не уймешь... добродушно смеется:

— Эх ты!.. Пошутить нельзя.

В избу шариком вкатывается круглый, бело-головый мальчуган Петька Заяц. Лицо у него веснущатое, голос жиденький.

— Лобан, идем раков ловить! Ребята пошли. Заглядывает в чугуны с картошкой.

— А, рассыпушки!

Демка угощает:

— Ешь, только хлеба нет.

— Ладно! На картошке докажем...

Петька Заяц — шустрый, говорливый. Ловко заправляет в рот нечищенную картошку. Бойко рассказывает:

— Идем надясь с Ванькой Печугой. У амбара Силаева рассыпана картошка, сушили. Глядим — никого... Цап-царап!... И давай бузовать, ровно яблоки... Он пазуху, и я пазуху... Да и марш в лес. Развели огонь. Всю испекли. 53 картошки. Нарочно сочили. Вот наелись!

Танька влетает в русую косенку голубую ленточку, солидно замечает:

— Воровать грешно!

Ванька Заяц осклабляется:

— Грешно... Ишь что баянула. Ежли бы сытые... Я в книжке читал, как путешественники слопали собаку.

Демка поддерживает:

— Силаев богач, у таких не грех...

Танька вскидывает на брата вопросительные глаза.

— У богатых можно? Ты знаешь?

Демка принимает позу взрослого, небрежно бросает:

— Пора знать, чай, не махонький. Двенадцатый пошел.

Петька вытирает грязные пальцы о свою белую голову. Выплевывает изо рта корку горелой картошки.

— Не хочу больше! Нажвыкался...

Солнце смотрит со двора в открытое окошко. Заливает часть стены, скользит по потолку светлыми лучами. Демка глядит вверх, внимательно следит за бегущими на потолке желтыми зайчиками. На лице хитрая усмешка. Демка любит огорошить: сказать что-нибудь замысловатое, поставить втупик...

— Ребята, почему зайчики не стоят на одном месте?

Танька с Петькой поднимают головы вверх. Долго думают. Демка сгребает пятерней кожу со стола, бросает в чугуn. Искоса поглядывает на товарищей. Танька вдруг оживляется:

— Ишь какой хитрый! Ты и сам не знаешь отчего.

Демка ухмыляется... Показывает белые крепкие зубы.

— Тут и знать нечего. На то и зайцы, чтоб скакали да кувыркались, а не стояли на одном месте.

Петька бойко возражает:

— Вот и врешь!

Показывает пальцем на солнечные блики:

— Эти зайчики другие. А про тех, что в лесу, я тоже знаю. Ты про этих скажи. Зачем сжульничал?

Демка хмурит лоб...

— Я не жульничал!

Петька Заяц стоит на своем:

— Рассказывай... Не знал, что сказать, вот и сжульничал.

Танька с любопытством наблюдает за словесным поединком...

Демка не выдерживает настойчивости товарища. Выскакивает из-за стола, сучит кулаки...

— Я не жулик! В рыло съезжу!

Заяц пятится к двери.

— Ты не больно!..

Веснущатое лицо вспыхивает маком. Васильки глаз поблескивают. Демка напирает... Лоб у него морщится, как у старика... Молча толкает Петьку в грудь... Тот падает через порог в сени... Быстро поднимается, убегает на улицу, кричит звонким жидким голоском:

— Жулик! Лобан!

Танька убирает со стола чугуны, упрекает брата:

— Эх ты... драчун!..

Демка угрожающе смотрит на сестру...

— Обзовешь жуликом — тебе тоже влетит...

Берет топор, уходит. Через две-три минуты со двора доносятся знакомые звуки: тук, тяп! тук, тяп!

III

Смеркается. Демка носит со двора мелкие дрова, бросает на печку. Мать сеет на столе муку. Танька, пыхтя, тащит ведро с водой, с трудом перелезает через порог. Демка смеется:

— Пыжилка...

Марья поворачивает голову.

— Не скаль зубы... Видишь — чижало. Пособи.

Входит Авдей Семеныч. Полнолицый, с русой бородой. Снимает с плешивой головы картуз.

— Здорово, Марья! Пирог, что ли?

— Нет, Авдей Семеныч. Садись. Мучки подзаяла. Пышки хочу...

Гость приглядывается к серому полумраку.

— Э, да вы все работаете. Помога растет.

Садится на край лавки.

Марья стоит у стола. Руки в муке. На лице ожиданье.

— Я, Марья, опять к тебе. Ничего не выходит. Один во все концы. Баба — ни два, ни полтора... Доктор сказал: отенок в сердце лопнул. Ровно бы скважина... А лекарства не пакля, не законопатишь... Ну и хиреет... По домашнему еще туды-сюды, а на улицу ни-ни, задыхается... Твой мальчонка шустрый, из него выйдет толк.

Марья шумно вздыхает:

— И не знаю, как быть? Отощали мы, это правильно. И без Демки, — как без рук. Головы не приложишь...

Колебание вдовы на-руку Авдею Семенычу. Он весь оживает. Торговая струнка звучит во всю.

— Вестимо, сынишко нужен. Но как же быть? Уж больно твое житишко не того... До нови, почитай, два месяца, а ты муку занимаешь. Демку отдашь — с харчей долой. Одежа, обужа моя. Насчет пищи не сумлевайся. Без мяса за стол не садимся. Деньжат маленько дам али муки. Что хошь. Набашкачится — торговлишку можно... Я тоже начинал с ничего...

Марья для чего-то перекладывает решето на другое место... Садится на лавку, задумывается... Демка с Танькой стоят у печки, молчаливые, любопытные. Сумрак заметно сгущается в избе. Авдей Семеныч закуривает папиросу.

Марья быстро поднимается с лавки, энергично отрезает рукой:

— Ладно! Только мальчонку не обижай...

Авдей Семеныч бросает на пол недокуренную папиросу. Радостно блестит плутовскими глазами.

— Зачем обижать? Сам имел детей. Увидишь, какой я. Приходи сейчас за мукой. Там договоримся.

Бросает в полумрак веселый окрик:

— Ну, Демка, будешь мой приказчик! Сладкого поменьше ешь, зубы заболят...

Марья провожает гостя до крыльца.

IV

Ночь. Перекликаются петухи. На краю деревни пиликает тальянка. Марья не спит. В мыслях Демка. Завтра его не будет. Дело — стакано. Пуд муки взяла, вроде бы задатка. И жаль сынишку, большого заменял. Да что поделаешь? Нужда заела... В займы не дают. Всякому до себя. А он, Авдей Семеныч, еще пуд посулил. До нови хватит.

У двери мяучит кошка. Марья выпускает. Останавливается у кровати. Прислушивается к сопению детей. Вдыхает о Демке:

— Последнюю ночку дома, завтра у чужих...

Ложится спать на голую лавку. Свертывается калачиком, кладет под голову руку. Предрассветная муть робко, будто крадучись, вползает в окно. На улице тихо. Только думы материнские, словно птицы невидимые, все еще кружатся в голове, ныряют в сердце и никак не могут угомониться... Вдруг Марья энергично поворачивается на спину, так что лавка отзывается жалобным скрипом...

„Нет, только по Покрова! потом возьму. Без Демки — что без рук“.

Твердое решение, как ножом, отрезает тревогу матери...

Так долго не приходивший сон мало-по-малу усыпляет усталую Марью.

V

Демка с трудом продирает сонные слипшиеся глаза. В уши мягко вливаются знакомые звуки желейки: „уж ты сад, ты мой сад...“ Зычно, протяжно мычат коровы попеременно с тонким блеянием овец. Но Демке незачем вставать. Ему некого гнать в стадо. У них нет никакой скотины, кроме пяти кур. Все-таки Демке не лежит. Разве можно? Ведь нынче последний раз дома. Нужно дорубить дрова. Быстро вскакивает на ноги. Бросает на лицо пригоршни свежей воды. Утирается корявой тряпицей. Идет с топором на двор. Черная соломенная крыша ярко поблескивает серебром утренней росы. Немножко свежевато. Под навесом, точно поджидая Демку, чернеет куча хворосту. Топор, блестя в воздухе, ныряет то вверх, то вниз... Отрубленные палки летят во все стороны. Мысли Демкины тоже вразброд... Никак не соберешь. А тут еще Танька лезет в голову: „Ты, — говорит, — непременно захиреешь в городе. Там жарыща несосветная, а купаться негде. Все реки пересохли. Колодезь есть. Бултых ведро... Вот и купанье.“

Подходит Петька Заяц, вихрастый, неумый.

Демка рад товарищу. Вчерашняя ссора позабыта.

— Ты что рано? Неужто купаться?

Петька смотрит вниз.

— Нет.

Немножко медлит. Тихо роняет:

— Ты в город?

Демка вздыхает, отвечает солидно:

— Да, брат, в город. Сам видишь, как живем. Отца нет, мать — старуха. Танька — девчонка, я один из мужиков.

Щупает пальцем щербину на лезвии топора, вдруг выпаливает:

— Коровенку нужно подработать...

Петька глядит на товарища не то с недоумением, не то с завистью.

— Коровенку?

Демка бросает топор на хворост.

— Идем сюды.

Пролезают в полуоткрытые задние ворота. Останавливаются у колодца. В глаза бьет перескочившее через черные риги ясное утреннее солнце. В отдалении, на горке, стелются зеленым ковром озимые. Демка показывает рукой на гряды:

— Эти я поливал. Видишь, листочки показались. А эти — Танька. На них ни травинки.

Переводит взгляд на ветхий сруб колодца. Деловито заканчивает:

— Нужно бы новый, да вот уезжаю в город.

Петька запускает руку в белые всклокоченные волосы.

— Что будешь делать?

— Торговать.

— Чем?

— Ситным, конфетами. Всякими товарами... Не в лавочке, а в палатке. Мама говорит: „Вроде шалаша, только из холстины“.

Петька Заяц разглядывает свои грязные ноги, почти шопотом спрашивает:

— А ситничку привезешь?

— Конечно, привезу. Жалко, что ли!

С минуту стоят молча. Петька вдруг заявляет:

— Пойду!

Быстро уходит. Но тотчас же поворачивает голову. На глазах блестят слезы... Бросает дрожащим голосом:

— Прощай!

Демка хмурит лоб. Кривит трясущиеся губы...

— Прощай...

Петька мячиком перелетает через городьбу... Звонко кричит:

— Ситничку!

Демка шагает к задним воротам, машет товарищу рукой:

— И конфет привезу!

VI

Проходят две недели. Демку Лобана не узнать. В черном пиджаке, таких же брюках, заправленных в сапоги. Картуз с суконным козырьком. Все это не новое, но крепкое, приличное. Нынче у Демки особенный день. Его оставили одного. Хозяин ушел по делам. Перед уходом позвал Демку внутрь палатки, ласково попросил:

— Ты остаешься один. Доверяю тебе весь товар. Ты мальчик умный, понимающий. На хозяйское польстишься — свое упустишь... К тому же не заглядывайся... Народ всякий есть; купит на грош, украдет на целковый.

Вежливое обращение хозяина тронуло Демку. Ответил по деликатному:

— Не сумлевайтесь, Авдей Семеныч. Все будет в аккурате.

Демка не соврал. Ни шагу не отходил от палатки! А когда продает — следит за покупателем: не стянул бы чего... Особливо мальчишки. За ними гляди, да гляди... Будь палатка подальше от станции, лучше было бы. А то этих ребятшек на вокзале не знамо сколько. Редко кто взаправду покупает, больше все для прилику, — чтоб ловчей украсть... Демка стоит сбоку прилавка. Весь товар на глазах. Торговля тихая. Такое время. Ни с поезда, ни на поезд никто не идет. День жаркий. Демка поминутно срывает

с головы картуз, вытирает потное лицо белым фартуком. Смотрит на каменные вокзальные здания, на снующие взад и вперед по рельсам красные вагоны, на дымящуюся трубку блестящего локомотива. Непрерывные свистки, рожок стрелочника, лязг вагонных цепей сами в уши лезут. Но Демка точно их не слышит. Привык. Думает о деревне.

«Хорошо бы вот на этих красных вагонах докатиться до нашей станции. Вестимо, не порожнему. Всю палатку с собой... Ешь — не хочу. Танька, конечно, прямо за конфеты. Петьке Зайцу ситнику — просил!»

— Эй, паренек!

Демка отрывается от своих мечтаний...

— Что угодно?

Узнает в покупателе багажного весовщика. Кругленький, с рыжей бородкой. В узких щелках поблескивают, как у мыши, острые глазки.

— Где же хозяин?

— По делам ушел.

— А ты можешь?

Демка смекает... Улыбается:

— Конечно могу.

Кругленький весовщик просветляется...

— Молодчина. Валяй фужерчик. Колбаски полфунтика, да пару огурчиков, во тех, что позеленей.

Демка показывает себя. Ухватисто поверты-

вается на месте. Ловко берет длинный острый нож. Словоохотлив, как истый торговец.

— Самая лучшая. Утром привезли.

Хотя хорошо знает, что эта самая колбаса низкий сорт и вот уже третий день лежит на тарелке, прикрытая мокрой тряпочкой. Вешать тоже намазурился... С размаха бросает на весы... Все-таки не тянет. Незаметно действует пальцем...

— Извольте! С походом.

Демка ныряет в палатку, даже не оглядывается, знает, что весовщик ничего не слямзит. Он богатый. Каждый день глушит самогон, покупает колбасу, папиросы. Наклоняется в угол палатки. Вытаскивает из корзины бутылку с мутным самогоном. Вытирает стаканчик, наполняет до краев. Весовщик в приятном ожидании... Смотрит по сторонам. Быстро опрокидывает в рот пахучую жидкость... Наскоро обмахивает рукой жидкие усы. Уходит.

Демка считает деньги. Новеньким бумажкам отдает предпочтение, откладывает к сторонке. На обветренном лице хитрая усмешка:

«Захочу — свисну пять лимонов. Не свят дух: не узнает. Запрячу в сапог, ищи — не найдешь... Только я не возьму. Не хочу!»

Подходит мальчуга лет десяти, в серой куртке, синем картузе. Смотрит по-воробыиному: склевать и улететь...

Демка настораживается:

— Ты что?

Серая куртка бойко перечисляет те предметы, каких не видно на прилавке.

— Пирожное есть? Миндаль имеется? Почему винные ягоды?

Демка хмурит лоб. Смотрит в оба... Отвечает неохотно.

Синий картуз, прищурившись, показывает рукой на бумажный сверток:

— А это что?

В то же время тонкие пальцы, словно пружины, мгновенно схватывают горсть карамели в бумажках...

Но Демка не прозевал...

— Ах ты, жулик! Буржуй проклятый!

Сбивает воришку с ног... Держит одной рукой за шиворот, другой накладывает в загорбок:

— Вот тебе!.. Вот тебе!.. Не воруй!

Стоящие поодоль трое ребятишек, должно быть его сообщники, пускаются наутек... Главарь, как встрепанный, вскакивает на ноги, летит стремглав... Отбегает шагов двадцать, показывает кулаки... Демка делает вид, что хочет погнаться за воришкой... Тот улепетывает без оглядки. Только ботинки сверкают... Демка подбирает с земли брошенную карамель. На лице довольство:

«Будет помнить. Всыпал, как следует... Те, что стояли, не такие: в рубахах, разумши. А этот — видно, что буржуй. Из прытких. Вот и пошло»...

Медный гудок, шипя и свистя, зычно буравит воздух: у-у-у...

Демка оживляется. Сейчас хлынут рабочие. Депо пошабашило. Надо быть на-чеку. Охорашивает товары. Ставит на вид колбасу. Прыскает водой свежие огурцы. Берет из палатки круглый ситный.

Возвращается хозяин:

— Ну, как дела?

Демка смотрит гордо. У него все в аккурате. Не подкопаешься... Главное — не скрал ни одного лимона, а мог бы. Колбаски, ситничку поел. Без этого нельзя. Сам хозяин сказал: «В рот можно, в карман не полагается».

Авдей Семеныч оглядывает прилавок, запускает глаза в палатку.

— Да, шут возьми. Ни к чему не приступишься. Хоть в город не ходи.

— С нас дороже, и мы накинem...

— Конечно, в убыток торговать не станем.

Рабочие тянутся от станции один за другим. Торговля принимает оживленный характер. Демка крутится волчком. Всюду поспевает:

— Что прикажете? Извольте! Авдей Семеныч, получите. А вам что угодно?

Глаза блестят сознанием, что он, Демка, деревенский парнишка, сын бедной вдовы, — делает настоящее, полезное дело.

VII

Ужин. Едят по-городскому — каждый из своей посуды. Демке нравится такой порядок. В деревне хуже. Там — все из одной чашки. «Прозеваешь — воду хлебаешь»... А тут своя тарелка, никто другой с ложкой не полезет. Ешь спроста. И ужин, что обед: жирные щи с говядиной, гречневая каша с маслом, а хошь, и с молоком. У Демки аппетит хороший. Еще бы! Целый день суется на воздухе. Правда, урывает колбаски, ситничку с чайком или еще чего, потому все под руками. Но это так себе — баловство. Главное обед да ужин. Одно плохо: хозяйка хворает. Кости да кожа и дышит, как запаленная лошадь... Жалко, ежели умрет. Не жадная и его, Демку, не обижает. С Авдеем Семенычем ругается, все больше вечером, за ужином. Днем-то некогда... Вот и сейчас налезает... Голос дрожит, глаза блестят, как гнилушки на печи. Ставит на стол молоко, а сама ходит ходуном...

— Знаю, голубчик, все знаю! Я не дура...

Авдей Семеныч старается не глядеть на жену. Молча наполняет самогоном серебряный стаканчик с надписью: «Чарочка по столику похаживает». Быстро опрокидывает в рот.

Домна Тимофеевна не унимается:

— Ишь, как жрешь точно воду и не мор-

щишься... Здоров, как бык. Вот и бесишься...
Все знаю!

Задышается... падает на постель.

Авдей Семеныч, не торопясь, приносит воды:

— Прохладись, выпей глоточек.

Домну всю передергивает...

— Уйди с моих глаз!

Через десять минут встает хмурая, задумчивая, ни на кого не глядит. Молча убирает со стола.

Авдей Семеныч смотрит в открытое окно. Закуривает. Ковыряет в зубах обожженной спичкой.

Заводит речь с Демкой:

— Ну, Лобан, набузовался?.. Поужинал? Теперь давай насчет делов. Колбаса у нас того, душок пускает... Надо поменьше брать. Жарища, портится... Всю, что есть, нужно пустить в жареную. Опять положи в жаровню толченого чесноку, влей гвоздичной настойки и все это хорошенько прокипяти; колбасу почаще поворачивай, чтоб вся пропиталась...

Демка знает, как сделать, не впервой. Деловито прибавляет:

— Главное дырочки натыркать, чтоб в середку прошло...

— Сойдет за милую душу.

Хозяин одобрительно взглядывает на своего помощника. Гасит плевком окурок, бросает в окно. С минуту подумав, объявляет:

— Пора на боковую. Завтра за ягодами. При-

дется встать пораньше. Ах, да... Чуть не забыл.

Берет из шкафчика склянку, опускает в карман штанов. Идут в кухню. Демка зажигает огонь. Авдей Семеныч открывает половицу, извлекает жбан с самогоном.

— Сколько взято отсюда?

— Три бутылки.

— Стало-быть, семь осталось. Так...

Смотрит на свет склянку с зеленой жидкостью. Огмечает пальцем. Вливает в жбан пахнущее махоркой зелье...

— Взболтай хорошенько, да заткни покрепче. Теперь самая настоящая: и язык пощиплет и в голову шибанет...

Улыбается маленькими плутовскими глазками!

— Что надо!

VIII

В кухне темно. Демка лежит на железной кровати, незаметно приютившейся за дверью. Пройти коридорчик, будет двухоконная комната; в ней живут хозяева, а он, Демка, в кухне. Вот и вся квартира. Ему хорошо: один, просторно... Постель мягкая. Никогда на такой не спал. Матрац, подушка, одеялка. А все Домна Тимофеевна. Она его наблюдет... У нее был сын Мишка, Демке ровесник; умер два года назад. Вся одежда,

обужа пошла ему. Авдей Семеныч надясь сказал:
— Старайся, вместо сына будешь.

А он и так работает на совесть. Демка такой: отлынивать не любит... Нонче весь город исколесил. Ноги гудут. Деревенского встретил. Танька хворает...

«Эх, гостинцу бы! Кисленьких конфеточек, да ситничку с колбаской. Живо бы выздоровела»...

Демка закидывает руки за голову, думает о своих. Видит в мыслях свою мать, как всегда задумчивую, на щеке темная родинка. Танька вся в жару, разметалась на кровати... Пищит: дай ей того, дай ей сего. А где мать возьмет? Вот у него, у Демки, всего много. Морщит лоб...

«Много-то, много... А чье это? Ежели послать — нужно прикарманить. А мать сама сказала: «Не воруй, грешно».

Еще напряженней хмурит лоб:

«Грешно... А может, нет. Потому у хозяина всего много.

Сам не догадается, и попроси — не даст. А Танька хворает...

На лекарства плевать... А ситничку али еще чего — надо».

Со двора доносятся звуки балалайки. Демка прислушивается.

«Гаврик. Его игра».

В воображении мигом вырисовывается черно-головый мальчуган, по прозвищу Жучок, ровес-

ник Демке. Худощавый, небольшого роста. Демка его борет одной рукой... Зато Жучок насчет балалайки ух какой!.. Все песни играет и танцы. Окромя того, всякие книжки... Все он знает, как большой. Демка вздыхает... А балалайка все громче и громче каплет звуками в вечернюю тишину. Лобан не выдерживает. Вскакивает на ноги. Запирает кухню на замок. Спешит на звуки балалайки, раздетый, босиком.

IX

В черном квадрате двора пустынно, темно. Лишь в одном оконце третьего этажа чуть заметно мигает желтая звездочка. У забора дремлет чернеющий в мутной вышине высокий тополь. Под ним скамейка. На ней три силуэта: Гаврик в середине, с балалайкой в руках. Сбоку Демка, с другого — Володька Ступа, глуповатый, озорной парень. Детские пальцы быстро бегают по струнам. Звонкие капли стремительно падают, догоняя друг друга, сливаясь в одну стройную мелодию. Тихий июльский вечер задумчиво прислушивается...

Демка дотрагивается рукой до Гаврика:

— Сыграй «Коробочку».

Володька Ступа гогочет:

— Коробочку... Сказал бы: «Весенние грезы» или ту стэп. Деревня матушка!

Гаврик переходит на «Коробочку». Вступается за Демку:

— Ты, Володька, зря... Не нацадай...

— Ничего не зря. Он выворотень, а знает, где раки зимуют... Тухлую колбасу продает...

Демка защищается:

— Какая есть. Я не хозяин.

Володька срывается с места. Ныряет головой в темноту.

— Да, да, не хозяин... Я сам видел, как ты мазал ситный медом.

Демка возражает, вспомнив слова хозяина:

— В рот — что хошь, в карман не полагается.

Озорной Ступа вызывающе бросает:

— А где берешь денег на кинематограф?

— Авдей Семеныч дает.

— Дает... Так я тебе и поверил.

Демка ошетиливается... Тоже вскакивает на ноги.

— Верь, не верь... Мне наплевать... я не жулик.

Гаврик не перестает бренчать на балалайке...

— Бросьте! Охота ругаться!

Володька скипидарится... Голос у него ба-систый.

— Ты что вскочил, — драться? Я те насыплю...

Размахивает в темноте руками.

— Налетай!

Демка загорается. Входит в азарт...

— Давай бороться!

— Давай! Думал — испугаюсь...

Схватываются. Обнимают друг друга руками...

Гаврик смеется...

— Вот петухи! Ну-ну, боритесь... Я сыграю.

Бренчит на балалайке, тихонько подпевает:

Это будет последний
И решительный бой!

Борцов не видно в темноте. Слышно громкое сопение да шарканье босых ног... Две-три минуты — и оба тяжело падают на сухую землю...

Гаврик обрывает музыку...

— Готово? Кто кого?

Володька быстро вскакивает на ноги, сердито ворчит:

— Он — подножку, черт, Лобан! По-деревенски.

Гаврик хлопает в ладоши:

— Вот так Демка! Значит, на обе лапатки...

Молодчина!

Звучно ударяет по струнам... Переливчатая «Барыня» раздается во все стороны веселыми брызгами... Стройно будит тишину.

Демка, чувствуя себя победителем, пускается в пляс...

Черной тенью взвивается кверху. Мягко пристукивает босыми ногами, шуршит ими по сухой земле. Присвистывает в такт...

Балалайка звенит, поет, подпрыгивает на ко-

ленях... Кажется, вот-вот сама пустится в пляс...

Жучек подбадривает:

— Ай да Лобан!

Ступа ехидничает:

— А ползунка не может.

Гаврик поддает жару:

— Володька, да ну... Налей ему!

Ступа не выдерживает. Стремительно ползет то позади, то впереди пляшущего Демки. Бала-
лайка жарит во-всю... Гаврик выкрикивает:

Туки, маки, щуки, раки.

Ребятишки — не глушишки...

Все разом обрывается, будто по команде...

Музыкант вытирает потные пальцы о рубаху.

— Вот это здорово!

Демка с трудом переводит дух, он устал от
пляски, опускается на скамейку, несмело просит:

— Гаврик, сыграй ту самую, какую надысь
играл, не знаю, как начинается, уж больно хо-
рошо.

Дурашливый Ступа не унимается.

— Жучок, сыграй ему деревенскую:

Дунька вышла на крыльцо,

Месяц смотрит ей в лицо.

Гаврик отмахивается...

— Ну те. Володька! ты и сам-то не знаешь
революционных песен.

— Вот так сказал! Как же это не знаю? Сейчас тебе спою:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...

Гаврик смеется.

— Ишь что спел. Кто ж не знает Интернационала? А вот это ты не знаешь:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе...

— И это не умеешь:

Мы кузнецы, и дух наш молод...

Володька Ступа заодно хвастается:

— Ишь важность какая... Погоди, куплю гитару или гармонию — всему научусь.

Гаврик перебирает пальцами стурны, тихонько поет:

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой...

Демка радостно восклицает:

— Вот эта самая песня, люблю ее!

Несмело вторит Гаврику:

Братский союз и свобода —
Вот наш девиз боевой!

Х

Солнце печет. Утомленное бледное небо устало висит над городом. Улицы, воздух, дома, — все это пропитано лезущей в нос горячей пылью.

Демка в синей рубахе. Ему жарко. Сапоги на ногах кажутся стопудовыми, снять бы их. Картуз тоже мешает. Он идет на рынок за гречневой крупой. Под мышкой свернутый в трубку мешок. Надо отыскать рябого старика с белой бородой, Мосеича. Найдешь ли? Рынок велик. А сказано: непременно у него взять, — знакомый. А вот и базар. Тянутся неправильными рядами разноцветные палатки. Чернеют, колышатся люди. Шум немолчно гудит, как ветер в лесу. Воздух насыщен особенным запахом — рынка. Демка впервой на базаре. Чего тут нет? Глаза разбегаются, не знают, на чем остановиться. А ребятишки бритоголовые, точно бесенята чумазые, месят пыль босыми ногами, всюду шныряют.

— Папиросы рассыпные! Выкуришь одну — другую захочешь.

Белобрысый парень лет 14-ти, в картузе, босиком, дружески хлопает Демку по плечу:

— Здорово, земляк! Как поживают наши?

Протягивает грязную загорелую руку.

Демка, растерявшись, тоже подает руку.

Белобрысый отскакивает в сторону:

— Гы-гы-гы... Мой сродственник: нашему забору двоюродный плетень.

Орава ребятишек прыскает от смеха...

Демка, весь красный, готов провалиться сквозь землю... Спешит скрыться в толпе. Уж больно досадно, что попал впросак... Решает рта не ра-

зевать... А если белобрысый опять пристанет — даст ему в рыло. Не побоится, что он старше его. Нужно смелостью брать. Еще издали видит рыжего парня в желтой рубахе. Картуз набекрень, ловко нажваривает на тальянке.

— Эй, глянь-ка! Сама играет. Дешево продаю. Демка смотрит на парня, с завистью думает: «Вот хлюст... Рыжий, весь в конопушках, как воронье яйцо, и, кажись, кривой, а пальцы работают здорово... Настоящий гармонист».

Слышит грубый окрик:

— Эй, разиня! Гляди. В рот въеду!...

В то же время фыркает лошадь прямо в лицо... Демка шарахается в сторону. Опять досадно на себя... А ничего не поделаешь. Уж больно много любопытного. Сами глаза тянутся...

Нельзя не заглядеться. Вдруг оживляется:

— Ага... Тут и есть!

Вглядывается в старика с белой бородой.

«Нет, не Мосеич. Тот рябой и торгует не тем. Всего много: и колбасы, и ситнику, и всякой всячины, а крупы не видать». Мимоходом запускает глаза под ларь. Видит, что-то шевелится... Эге... Мальчуган лет девяти. В ситцевой рубахе. Чумазый, ровно цыганенок. Демке любопытно. Следит. А мальчонка, выглянув из засады, как мышонок из норы, стреляет глазенками по всем направлениям... Мелькает в воздухе детская грязная рука и снова ныряет под ларь с небольшим

куском ситного. Демка готов крикнуть: «Ах ты, жулик!» И задать ему вздрючку... Но сдерживается. А воришка, согнувшись под ларем в три погибели, с жадностью уплетает белый хлеб... Демка смотрит и вдруг роняет:

— Пущай ворует. Видать, что голодный. А ситнику вон сколько!

Вскоре отыскивает старика Мосейча. Развертывает мешок.

— Мне полпуда ядрицы. Авдей Семеныч прислал.

Белая борода по пояс, лицо изрыто оспой. Щурится на Демку светящимися глазками.

— А, Авдей Семеныч? Так, так. Держи совок. Вон из того мешка. Сам вешай, чай, умеешь. Я вот тут с ящиком, прохудился. Зерно течет...

Демка никогда не вешал крупу. У них в палатке нет сыпучих товаров. Все-таки не сробел... Эко, мол, невидаль... Что хошь — свешаем. Раstopыривает мешок, быстро наполняет его крупой. Ставит на весы. Точь в точь. Стрелка на середине. Старик к нему спиной, нагнувшись, возится у ящика. У Демки на лице хитрая усмешка. Живо поддевает полный совок ядрицы. Бултых в свой мешок сверху весу.

— Не узнает...

Старик выпрямляется, проводит рукой по лысой голове.

— Ага, готово!

Смотрит на Демку, лукаво подмигивает:

— Небось и свешал-то не так. Ну-ка я проверю. Привычно бросает мешок на старые весы.

— Эге, походик, и, кажется, большой. Фунт. Мало. Еще подбавим. Так, так... Значит, два фунта. Многонько.

Не торопясь, отсыпает из мешка излишек. Пронизывает Демку смеющимися глазками.

— Так нельзя, малец. Ты сам торговец. Гляди, что выходит: сам продаешь — не довешиваешь, покупаешь — перевешиваешь... Значит—два раза в карман. А нужно вот как: сам бери и другим дай взять. Будешь хороший купец.

Демка наружно спокоен, внутри холодок. Со всем не ожидал, что дело так обернется... Пытается оправдаться:

— Дедушка, я не привык к этим весам.

Старик Мосеич, хихикнув в его сторону, обращается к подошедшему покупателю. Демка с минуту стоит в нерешительности. Потом, будто спохватившись, бросает мешок на плечи, быстро уходит. Досадует, что втюрился... Зря подкинул совок. Главное — не себе, а хозяину. Он не бедный.

— Эй, берегись!

Демка сторонится. Мимо него гремит тележка. Ее везет бородатый мужик. В тележке сидит востроносый мальчуган. Голос звонкий, что колокольчик:

— Подайте безрукому!

Демка внимательно оглядывает тощую детскую фигурку. Вместо рук болтаются рукава ситцевой рубахи. Головой вертит во все стороны. Глазенки шустрые. Демка вздыхает.

„Плохо без рук. Ни в лапту, ни на гармошке, ничего нельзя делать. Дать бы надо, а денег ни лимона“.

Медленно пробирается. Его толкают, он тоже работает локтями. Мешок ерзает по спине. Крепко держит руками. Вдруг останавливается, как вкопанный. Перед глазами гора книг. И каких только нет?! И с картинками, и без картинок, и большие, и маленькие, всякие... Глаза так и разбегаются. Все бы сгробастал... Читай — не хочу! Грустно пожимает плечами:

„Хоть бы ту купить, самую махонькую, что с картинкой“.

Несмело подходит ближе. Впивается глазами в картинку. На ней два подростка высоко держат перед собой ярко-красный флаг с зеленой надписью: „Комсомол“. Демка не понимает такого слова. Нынче же спросит у Гаврика. Он все знает.

Всю дорогу Демка думает о книжках, больше о тех, что с картинками.

XI

Вечером того же дня, когда Демка, нащепав лучины, намеревался лечь спать, вошел хозяин. От него пахло самогоном.

— Ну, Лобан, дела наши в шляпе. Та лавочка, что на углу Морской, переходит в мои руки. Муж умер, а жена — чики-брики... неприспособлена. Ну и продала мне помещение. Недельки через две заторгуем. А ты пока один будешь в палатке. Я сказал: доведу до дела, только антирес мой соблюдай... Так вот... Я пошел. Хозяйка спит. Если спросит — скажи: насчет делов пошел.

Демка стоит посреди кухни. Известие приятно ошеломило... Это, брат, штука — один в палатке. Стало быть, на него надеются. Завтра же скажет Володьке Ступе, что он, Демка, не жулик, раз ему доверяют все товары... Потом перейдет в лавочку. А лавочка — не палатка, тот же магазин: и вывеска, и прилавок, и покупатель другой. Придется почище одеваться. Босиком уже нельзя... А насчет учтивости — он собаку съел... Демка переступает босыми ногами, наклоняет лицо вперед, вежливо встречает воображаемого покупателя:

— Что вам угодно? Ветчинки? Сию минуточку! Еще что прикажете?

Что - то стукнуло... Мальчик настораживается... Идет к двери. Впотьмах с кем-то сталкивается...

— Это я.

— А, Гаврик! Иди сюда. Потихе. Хозяйка спит. А сам ушел.

Гаврик, приглядевшись, садится на кровать.

— Ты что же не пришел? Я ждал на скамейке.

Демка, отодвинув ногой лежавшую на полу лучину, солидно откашливается:

— Дела задержали. Мы открываем лавочку. А в палатке я буду один.

Гаврик усмехается:

— Как в палатке, так и в лавке обвешивать будете... Я книжку тебе принес. Прочти. Тут сказано: „Торговцы — все жулики“...

Демка стоит с разинутым ртом, огорошенный... Скажи так Володька Ступа, ничего бы, потому тот брехун, что хошь сболтает... А Гаврик всегда молчал. Демка все-таки пересиливает себя, пытается оправдаться:

— Я не сам... Хозяин заставляет.

Жучок тихо смеется...

— Не сам... А если хозяин заставит по карманам лазить? Тоже не откажешься?

Демка молчит. И сказал бы, да язык не ворочается... Окромя того, диву дается: откуда у Гаврика такие слова? Ровно шестом припирает к стене... Никак не вырвешься... И досадно, и любо, потому что Гаврик в его глазах не то, что Володька. Тот так себе, с дурцой... А Жучок умный, на книжках сидит. И ему книжку принес. Демка рад, что есть возможность переменить разговор. Садится на табурет.

— Ты, говоришь, книжку принес. А как она называется?

— „Сказ про Ваньку-спекулянта“. Папа на базаре купил.

Демка с живостью подхватывает:

— Я тоже нынче был на рынке. Эх, сколько видел книг! На воз не покладешь... Одну запомнил. Хорошая картина! И надпись: „Комсомол“. Ты знаешь, что это?

Гаврик с достоинством:

— Еще бы не знать. У меня брат двоюродный комсомолец. Он ростом не выше тебя, лишь годами старше. Как придет к нам, я позову тебя, посмотришь какой... Или вот что: пойдём к нему, он живет на Соборной; подгадаем к пятнице, по этим дням у него собираются комсомольцы, его товарищи. Сперва кто-нибудь говорит наизусть и так складно, точно по книжке, а потом все начинают спорить: что так, что не так. Страсть, как интересно послушать. А Ваня, мой двоюродный брат, когда говорит — глаза блестят, лицо красное... „Мы, говорит, комсомольцы, должны взять под свою опеку детей подростков, оберегать их от буржуйного влияния...“ И много-много говорит, только всего не упомнишь. О рынке тоже упоминал. „Там, говорит, целая армия подростков-спекулянтов, даже самогоном торгуют. Нужно, говорит, непременно, чтоб милиция следила“...

Гаврик понижает голос:

— Ты вот тоже торгуешь самогоном, смотри, не угоди в острог. Хозяин-то, шут с ним, он спекулянт.

У Демки мурашки по телу... В мозгу страшно проносится: острог! Все-таки храбро шепчет:

— У нас не найдут, знаем куда схоронить.

Жучок качает головой.

— Эх, ты... Видно, что ничего не понимаешь. Они, брат, везде разыщут, половицы поднимут...

— И половицы?!

— Ага, испугался... Значит, самогон спрятан под половицей.

— Чего пужаться? Ты свой, никому не скажешь.

Оба на минуту замолкают. В кухне темно, лишь на спине у Демки чуть заметно сереет полоска, падающая от крохотного оконца. Тихо. За печкой шушукаются тараканы, да сверчок изредка потрескивает: тюрь, тюрь.

Гаврик в раздумьи роняет:

— Много самогона?

Лобан отвечает не сразу. Боязно... А ну-ка, приведет комсомольца? Решительно откашливается...

— Почти полный жбан.

Опять пауза. Слышно, как сопит Демка... Тихонько пристукивает ногой о подножку табуретки.

Гаврик неожиданно:

— Дай попробовать...

Демка с живостью:

— Неужто не пробовал?

— Нет. Папа не пьет, мама тоже.

Лобан про себя усмехается:

— Вот так штука... И книжки читает и брат комсомолец, а самогона не пробовал...

Срывается с места.

— погоди немножко. Я послушаю.

Ныряет в темноту. Неслышно крадется коридорчиком. Нащупывает дверь хозяйской комнаты. Прикладывается ухом... Также осторожно возвращается к приятелю.

— Спит во-всю... Пьет сонные капли — аверьянку. Все-таки кухню затворим. Теперь вот что: давай переставим на другое место куль с углями. Вот так.

Демка в приподнятом настроении. Уж больно хочется угодить товарищу... отыскивает на шестке косарь. Просовывает конец в паз. Слышится легкий треск...

— Готово! Держи!

Гаврик обхватывает руками железный жбан.

— Ого... С полведра будет.

Демка шарит руками по полкам, на окне, гремит столом, топчет ногами шуршащую лучину... Не выдерживает:

— Тьфу ты, дьявол!.. Ничего не найдешь. Темнота... Вали изо всей! Горлышко узенькое...

Сказано — сделано. Оба по очереди прикладываются к жбану...

Гаврик поперхнулся... Все-таки еще раз потянул... А через две-три минуты все было в порядке. Жбан опущен в подпол. Половица закрыта. На нее поставлен куль с углями.

Гаврик морщится...

— Гадкая штука... Вонючая... В горле дерет...

Демка, присев на корточки, шуршит бумагой...

— Самогон всегда такой... На, закуси! Немножко завяли... Это от жары. Но зеленые. Я выбрал.

Гаврик с жадностью набросился на свежий огурец... У него жгло внутри. Демка тоже хрустел во всю, забыв осторожность.

Ребята, сами того не замечая, были пьяны... Демка два раза ходил в чулан за ягодами. Хлопал дверью, спотыкался на что-то в темноте... Говорили полным голосом. Временами спохватывались. Переходили на шопот, но ненадолго... В этом им повезло. Авдея Семеныча не было дома, а больная хозяйка, выпив двойную дозу брома, крепко спала...

Гаврик продолжал не совсем твердым языком:

— А все-таки самогонка — дрянь! Во рту пахнет махоркой, будто накурился...

— Я и забыл сказать. В самогон мы подбав-

ляем табачной настойки, чтоб забористей было и в голову шибало...

Жучок, как взрослый, сокрушенно вздыхает:

— Эх, Демка, Демка... Ничего ты не знаешь.

И вдруг загорается...

— Подросту немножко — прямо в комсомольцы! Держись тогда, самогонщики... Всех арестую... А таким мальчишкам, как ты, буду говорить, чтоб они не служили у спекулянтов... Володька Ступа — дурдей, а понимает. „Демка, говорит, обманщик, разводит спекуляцию“... Ты конечно не виноват...

Гаврик поднимается на ноги, с жаром продолжает:

— Папа говорит, что через пять или десять лет настроят много школ — и в городах и в селах. В них будут обучать всяким наукам и всякому ремеслу. В школах, как в мастерских: и кузница и станки, и всякие инструменты: молотки, клещи, пилы, рубанки... Только учись! И насчет земли наука будет, чтоб хлеба больше родилось. Тогда уж мальчишки не будут торговать ни спичками, ни папиросами или, как ты, тухлой колбасой... Все будут учиться. Мой папа все знает! Он книжки читает и в ячейку записался. Скоро будет настоящим коммунистом.

В стекло постучали — тра-та-та... Оба насторожились... Стук повторился...

Демка нащупал в темноте ухо приятеля и торопливо шепнул:

— Это хозяин. Молчи. Отопру.

Зашлепали босые ноги. Скрипнула дверь. Послышался женский голос:

— У тебя его нет? Не знаешь где?

Гаврик узнает мать. Неприятно ежится... „Она его ищет. Стало быть, не спят. Как покажется? Отец сразу смекнет“...

Опять скрипит дверь... Снова шлепают босые ноги... В темноте ползет шопот.

— Мать ищет. Я сказал, тебя здесь нет.

Гаврик возится на постели...

— Не пойду! Куда я такой? Того гляди, стошнит...

— На яблоко. Кисленького хорошо!

Жучок решительно поднимается.

— Нужно итти!

Демка, провожая товарища, советует:

— Прямо ложись спать. Голова, мол, заболела...

Гаврик брезгливо отплевывается...

— Дрянъ самогонка... Пить не нужно!

ХП

Демка долго сидел на своей постели, окутанный мраком ночи.

Гаврик, такой худенький, черненький, которого он может побороть одной рукой, вдруг вырос в его глазах, казался богатырем... Демка не пом-

нил, что особенно повлияло на него; но ясно сознавал, что Гаврик, только он один, мог заставить его крепко призадуматься... Правда, он и раньше понимал, что обвешивать — это жульничество; но понимал смутно, как во сне... А тут, глядишь, хозяин: „Старайся, Демка! Антираб мой соблюдай. До дела доведу!“ Ну, и старался. А Жучок — другое...

Демка открывает одеяло. Под руку попадает книжка.

„А! Гаврик оставил“...

Голова тяжелая. Во рту запах тухлого яйца. Глаза слипаются. Но книжку прочитать хочется. Зажигает лампочку, ставит на кухонный столик. Садится рядом. Книжонка малюсенькая, в девять страниц, с надписью „Сказ про Ваньку спеку-

лянта“. На красной обложке картинка: парень в пиджаке, сапогах, в картузе. Лицо сморщенное... того гляди заплачет... Его ведет за руку милиционер, с ружьем на плече. Демка долго разглядывает парнишку. Ему кажется, что на картинке не Ванька-спекулянт, а он, Демка.

Уж больно похож... Должно быть с него списали, когда он стоял у палатки. Тотчас мысленно решает:

„Нет это не с меня... Тут милиционер с ружьем“.

Слюнявит пальцы. Шелестит листами...

„О, махонькая, живо промахну...“

Но промахнуть живо не пришлось. Уж больно интересная книжка... Прочтет пять строчек — остановится, подумает. Снова прочтет — опять задумается... И так до конца. Прочитавши, еще раз поглядел на картинку. Потушил лампу. Лег под одеяло, но уснул не сразу. „Ванька-спекулянт“ как живой лез в глаза. „Смотри, мол, мы с тобой по одному делу. Ты тоже обвешиваешь“...

Демка сердито взглядывает на Ваньку-спекулянта...

„То же, да не то же! Ты свистнул у хозяина деньги и закатил стрекача... Спекулянил, жульничал на рынке... Тебя схватил милиционер и отвел в острог... А я ни лимона не скрал... Мать не велела. Да и сам не хочу! Нет, Вань-

ка! Отъезжай подальше... Я тебе не товарищ"...

Повертывается на бок.

„Обвешивать тоже не буду. Шабаш!“

Заводит глаза... Но Ванька-спекулянт не отходит... Демка морщит лоб...

„Уходи! Я с тобой не вожусь... Ты острожник... Гаврик мой товарищ“.

Слышит его слова: „Всякому ремеслу обучать будут“. Ах, скорей бы! Тогда Демка научится всему: и молотилки, и веялки делать, и колеса. А то у навозницы два колеса сломаны... Спицы нужно сменить... И вдруг, как это бывает во сне, стоит посреди депо. На нем темная блуза, такая же, как у Гаврикова отца. В руках молоток с зубилом. Любуется новеньким паровозом. Это он, Демка, сделал своими руками... Глядел, глядел, да и прыг на паровоз... Развел пары, повернул рычаг... Сперва тихо, тяжело, потом быстро, легко покатились по рельсам новые колеса — тра-та-та! тра-та-та!.. О, теперь Демка объедет весь свет! Все обглядит. Ничего не пропустит!

XIII

Утром Демку разбудил хозяин. Этого с ним никогда не бывало. Всегда просыпался раньше всех. Уберет оставленную с вечера немытую посуду, вскипятит самовар. Потом уж будит хозяев.

Нынче вышло по-иному. Не разбуди его хозяин — он проспал бы до обеда. Должно быть от самогона. Хозяин заметил на столе книжку. Прочел заглавие, нахмурился...

— Чтением занимаешься. Это плохо. Нужно дело помнить, а не забивать голову чепухой...

Демка молчал, опустив глаза. Хотелось поперечить: „Врешь Авдей Семеныч! Читать не плохо, потому в книжке все прописано“. Да смелости не хватило. А когда хозяин, бросив книжку на постель, сказал, что, он, Демка, сегодня будет торговать один, Лобан не проявил обычной готовности... Стоял попрежнему молча, глядя в пол... И как только Авдей Семеныч ушел из кухни — Демка взял в руки книжку, впился глазами в картинку... Расправил у обложки загнутый угол. Бережно положил под подушку.

„Ужо, как приду, еще почитаю“.

XIV

Весь день до самого вечера Демка торговал один. Работал на совесть, но не как прежде. Обвешивать рука не налегала... Даже мальчишку, стянувшего яблоко, не вздрючил, а лишь погрозил ему пальцем... Что-то вялое, почти безразличное замечалось в его движениях... А когда не было покупателей — неподвижно

глядел в одну точку. Подсчитывая лимоны, думал о „Ваньке-спекулянте“, о „милиционере с ружьем“. Решил никогда не воровать. Гаврику с Володькой скажет, десять раз побожится, что он, Демка, теперь не обвешивает... А на счет самогона брякнет хозяину: „За такой, мол,

дурман мало острога“. Раньше об этом Демка не знал. Гаврик растолковал. Больше того, глаза открыла книжка — „Сказка про Ваньку-спекулянта“. Уж больно ловко прописано. Разжевано и в рот положено... Дурак поймет.

Подходит старичок. В руках плетеная сумочка.
— Мне бы сосисочек.

Демка отрывается от мыслей.

— Сколько прикажете?

— А можно их есть? свежие?

— Только сегодня привезли.

Старичок берет сосиску в руки, оглядывает ее со всех сторон. Подносит к носу... Сердито бросает...

— Что же ты врешь, молокосос? Понюхай... Собаки жрать не будут... А говоришь — свежие.

Демка молчит. Ему стыдно, досадно на себя... Зачем солгал? И тут же проносится в мозгу:

„Все торговцы врут, такая должность. Не обманешь не продашь“.

Получалась путаница понятий, трудно было разобраться. Мальчик задумался... И не слышал, как подошел хозяин.

— Эй! что губы развесил? али столбняк нашел? Подними яблоко, не жалко хозяйское? И — колбаса, — разиня рот, стоишь, мух кормишь, нужно закрывать.

Демка подумал:

„Ну, не в своей тарелке... Должно быть с хозяйкой не поладил... К тому же самогоном несет, хватимши, значит“.

А хозяин, ткнув пальцем в небо, прикрикнул:

— Не видишь, разуь глаза. Живо тележку!

Демка лишь теперь заметил надвигавшуюся черную тучу.

Товар быстро был уложен в емкую тележку, оставалась кое-какая мелочь. Но хозяин не пе-

реставал суетиться, будто его палатке угрожал пожар... А туча меж тем горбилась, чернела, надвигалась с трех сторон. Но вот рванул ветер раз, другой... И плотно, как парус, надулось, затрещало...

Авдей Семеныч, выпучив глаза, заорал благом матом:

— Демка, придержи палатку за край! А то всю сломает... Да скорей же, чорт паршивый!

Раздается крепкий подзатыльник... В воздухе мелькает фуражка... Демка, не помня себя от злобы, схватывает с ларя решето с яблоками и с размаха бросает в лицо хозяина... Тот не успевает опомниться, как в него снова летят тухлые сосиски...

Демка подбирает с полу картуз, летит стремглав по направлению к вокзалу.

Туча с треском разрывается пополам, образовав в середине сверкающий провал...

Хлынул проливной ядреный дождь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Ровно в час ночи отошел пассажирский поезд. Потушили огни. Опустевшая платформа погрузилась в полумрак. Только один, как страж на вышке, высокий фонарь зорко смотрел в черную мглу августовской ночи. После сильного продолжительного дождя в воздухе было сыро. Ежась от холода, Демка медленно шагал по направлению к товарной станции. Вот уже бродит три часа, думает на все лады и все-таки не может успокоиться... Уж больно обидно... Ведь его, Демку, даже мать не трогала пальцем. Таньке попадало... Она — девчонка. А он — большой. Про него мать говорила: „У нас Демка хозяин, мужика заменяет“. И он всячески старался поддержать такое мнение. А когда Авдей Семеныч хвалил: „Ты молодчина!“ Демка вырастал до потолка... Разбивался в лепешку — работал за троих. И вдруг такого старательного, дорожившего хозяйским добром, ударили по затылку... Вестимо, не так уж больно, как обидно... Хорошо, что Володьки с Гавриком не было. А то бы

проходу не дали... Вглядывается в темноту. Почти ничего не видно. Под ногами мокро. Шагает наугад... Вслух бормочет:

— Ладно! Я ему ловко в рыло...

Смеется, вспомнив, как он пулял в хозяина тухлые сосиски и как брошенные в лицо яблоки горохом рассыпались по земле.

Демка хмурится.

„Так ему и надо! В кровь бы нужно, чтоб не дрался, сволочь!“

Сожалеет о том, зачем он слушался хозяина. Лгал... Обвешивал... Уж чего... Даже Володка Ступа, и тот: „Демка — обманщик“. А как он встретится с Мосеичем? Глаз не поднимешь... От стыда сгоришь... Ишь, что одумал: совок ядрицы хапнул... Хорошо, что такой старик: задал выговор, и все тут. Задумывается... В глазах опять „Ванька-спекулянт“. Сперва он обманывал покупателей, потом сам стал воровать... И угодил в острог... Лобан на мгновение представляет себе, что его, как „Ваньку-спекулянта“, ведет милиционер за руку сажать в острог... Даже остановился. Страшно стало. А в ушах, как взаправду: „Фи, острожник!“ У Демки мороз по коже... Нет, он больше не станет торговать! Долго ли попасть в острог! Срывает с себя фартук, с размаху бросает в темноту... Остается в одной синей рубахе, фуражке и больших сапогах. С души что-то упало...

Облегчение почувствовалось... Будто с плеч гора свалилась... Зашагал бодрее. Но куда? Слева — посвистывают маневрирующие паровозы, громыхают вагоны... Справа — пусто, темно. Впереди та же темь непроглядная... Где ночевать? на вокзале еще можно было бы... Но там знакомых много. Все служащие знают. Неловко. И тут шлюндать наскучит. Утро не скоро. К тому же холодно. Пиджака нет. Жарко было. Снял. Повесил на гвоздь в палатке. Там и остался. Теперь пригодился бы... На что-то спотыкается... Вглядывается в темноту... Ничего не видно. Щупает руками...

„А! мостик... Знаю. Стало быть, забрел вправо. Пойду берегом по левой стороне. Шагов двести — товарная станция. Там много порожних вагонов. В одном из них переночую“.

На мостике что-то хрустнуло... Демка напрыгает слух... Так и есть. Он не ошибся. Кто-то переступает ногами, будто крадется... У Демки мороз по коже...

„Жулик! Сапоги сдерет и рубаху кстати...“

В темноту падает осторожный окрик:

— Яшка, ты?

Демка приободрился. Он определил по голосу, что говорит с ним не жулик, а парень лет четырнадцати. Смело отвечает:

— Не Яшка, а Демка.

Незнакомец не растерялся. Оказался шутником.

— Вот как! Значит, Демка-Еремка, где твоя котомка? Спички есть?

— Не курю.

— Не куришь... Это плохо. Некурящий да не пьющий — не мужчина.

Лобан совсем осмелел.

— А по-нашему вот как: мальчишкам курить не полагается, а кто пьет, тот пьяница...

— Ого, Демка, ты речист...

— Я-то — Демка. Вот тебя-то как зовут?

— Меня-то?...

Молчание. Стояли один против другого на расстоянии пяти шагов. Черная мгла, заплывшая пространство, поглотила их обоих... Кругом тихо, как ночью на кладбище. Только в отдалении, словно пушка, сотрясала воздух труба паровоза — бах! бах!..

Парень гремит спичечной коробкой...

— Э, кажись, одна есть!

Чиркает. Вспыхивает язычок. Колеблется синим флажком. Из темноты проступает молодое лицо с папироской во рту. Козырек фуражки. Больше Демка ничего не успел разглядеть. Спичка потухла. Запахло табачным дымом... Парень усиленно чмокает губами.

— Никак не раскуришь... Табак отсырел... Так вот, Демка. Меня зовут Васькой-Мурлыкой. Живи да не хныкай... Давлю не мышей, а крыс-торгашей... Вот как меня зовут. Подходи ближе. Я не кусаюсь...

Демке понравился парень-балагур. Улыбается.
— Укусишь — откуснусь... У меня тоже зубы есть.

Осторожно продвигается вперед. Нащупывает в темноте перила. Облокачивается.

Васька-Мурлыка затягивается раз за разом. Папироска потрескивает, то вспыхивая, то потухая... Запахло гарью...

— А, чорт! До ваты докурился...

Густо сплюнул...

— Значит, ты зубастый... Это хорошо. А почему слоняешься ночью? Промышляешь?

Демка опешил, но лишь на одно мгновение. Тотчас ответил:

— А ты кого караулишь?

— Яшку. Мы с ним уговорились поджидать друг друга на мостике.

— Где он?

— Там, где нет.

Демка с живостью:

— Ага! Вот вы-то, должно, и промышляете... А не я. Мне только негде ночевать. Вот и все.

Васька-Мурлыка добродушно смеется.

— Ну, и ладно, что промышляем... А ты честная чесалка: ни ворона, ни галка. Хошь у нас ночевать? Только чур... Овечка — ни словечка. Что увидишь, что услышишь — ни гу-гу...

Замолчали. Парень-балагур присел на кор-

точки. Нащупал в темноте что-то шуршащее... Продолжал хрустеть бумагой, как бы что-то завертывая... Демка наскоро соображал, на что ему решиться. Не пойти — сиверко, ровно осенью. А он в одной рубахе. Холодный пот проникает... Забраться в порожний вагон — сторожуши надерет... А с ним страшно... Он не один. У него есть товарищ. С двоими не справишься... Нагишом пустят... Видно, что воришки... Хотя Васька-Мурлыка ему нравится и по голосу и по разговору. Энергично откашливается.

— Ладно! Пойду к тебе ночевать.

Васька встал на ноги, будто про себя уронил:

— Значит, Яшку нечего дожидаться. На! А я кулек понесу.

Демка берет обеими руками круглый сверток, весом фунтов пять. Давит пальцами... Что-то мягкое, должно быть, ситный. Сразу есть захотелось. Даже под ложечкой засосало...

— Итти далеко?

Балагур неугомонен в своих шутках.

— Шаг вперед, два назад. Тут и будет. Со всем близко. Вали за мной! Курьерский перегоним.

II

Та самая безглазая ночь, какие бывают в августе, словно черной смолой залила все пространство... Демка как слепой, неуверенно двигал ногами, внимательно прислушиваясь к четким шагам Васьки-Мурлыки. Он шел быстро,

уверенно. Видно было, что этот парень хорошо изучил дорогу и видел в темноте, что кошка ночью. Временами шопотом предупреждал:

— Осторожней — канава... Сейчас полезем на бугор...

И опять шли молча. Изредка прокалывал тишину тоненький свисток — фют, фють... Слева дул ветер. Демка определял, что они круто взяли вправо. Город и железная дорога остались позади. После получасовой ходьбы прошли сбоку леса. Свернули на узкую тропку. Стали пробираться между мокрыми кустами... Ноги скользили, разъезжались... Шлепали по лужам... А Васька-Мурлыка, ни на секунду не останавливаясь, уверенно шел вперед. Демка удивлялся:

„Вот чорт! Не собьется... И вкривь и вкось, весь извертелся... И все точно так: идет, как днем“.

И вдруг страшная мысль кольнула в сердце...

„А ну-ка заведет... В газетах вон что пишут... Ни за что убьют...“

Васька остановился..

— Ну, Демка, полезем в гору. После дождя склизко. Не падай...

И опять рифмованная шутка:

— Упадешь — встанешь, умней станешь... Айда за мной!

Крепко прижимая под мышкой круглый свер-

ток, согнувшись в три погибели и чуть ли не до земли касаясь головой, Демка благополучно вскарабкался на крутую гору... Пробираясь по мелкому щебню, а порой перескакивая через груды камней, Лобан ощутил лицом тесное прикосновение сжатого воздуха. Поэтому решил, что вошли в какое-то помещение, вроде сарая без потолка, так как вверху чувствовался свободный воздух. Тут было еще темней... Словно ему плотно, плотно завязали глаза...

Васька скомандовал:

— Стой! Протяни руку, держись за стенку. Пока не скажу — не сходи с места.

Что-то зашуршало... Потом ухнуло... Тотчас слышался, будто из-под земли, глухой голос:

— Пощупай край рукой, сядь на него, свесь ноги. Потом прыгай смелей. Всего аршина три...

Демка не двигался с места. Опять та же мысль:

„Вдруг да ловушка... Прыгнешь — и капут... Прощай, белый свет!.. нет, не буду прыгать! Убегу!

И тут же другой голос:

„А куда? Видишь — темь какая. Шагу не шагнешь...

Васька меж тем торопил:

— Да ну же! Прыгай... Боишься, что ли?

Демка нащупал край... Лег на него живо-

том, свесив в яму ноги... Кругом темь, зги не видно. Все-таки зажмурился, чтоб не было страшно. Сделал движение вниз... И, как ему показалось, полетел в бездонную пропасть... Однако, ноги ударились обо что-то твердое... И сам не упал, а лишь немножко присел. В то же время из-под мышки выскользнул круглый сверток. Демка поймал его на лету... Рядомдохнул Васька:

Так. Теперь сюда. Лезь боком. Нагни голову...

Демка задел рубахой за гвоздь, отцепил. Подвигал дальше, растопылив перед собой руки... Когда в лицо пахнул свежий воздух, Васька доложил:

— Здесь просторно. Иди на голос. Три ступеньки вниз. Вот и все. Стой.

Пошарил в темноте рукой... Что-то звякнуло... Потом ржаво, тяжело заскрипело... Свет ударил в глаза... Робко переступив через порог, Лобан не сразу понял, куда попал...

Васька бросил кулек на каменный пол, дружески укорил:

— Ах, чортушка! Ты уж тут, а я ждал.

В красной рубахе парень, черноголовый, ростом с Ваську, поправив на керосинке кипевший синий чайник, лениво ответил:

— Целый час зяб на мостике. Надоело. Ушел.

Пристально посмотрел на стоявшего у двери

Демку. Потом перевел недоумевающий взгляд на Мурлыку. Тот объяснил:

— Зовут его Демкой. Ночевать негде. Парень смысленный. Думаю — будет нам товарищ. Проходи сюда. Не робь — одна дробь, пули все вышли...

Демка прошел вперед. Осторожно присел на опрокинутый ящик. Огляделся. Такого помещения Лобан никогда еще не видел. Все каменное: и пол, и стены, и потолок. Вверху, под самым потолком, два решетчатых оконца без стекол, забитые снаружи камнями. На стене жестяная лампочка. Верхушка у стекла черная. Демка это заметил. Деловито подумал:

«Здорово закоптилось... Нужно солью протереть. Отойдет». Смерил глазами круглое помещение: вдоль 12 аршин, поперек столько же. У одной стены зеленел ворох сена, вероятно, только что принесенного. У другой торчали ножки изломанных стульев. Лежали на боку бездонные кадки. Валялись старые ящики. Посреди поблескивала высокая керосинка. На ней похлупывал чайник без крышки. В углу, на опрокинутом железном ведре, звучно тикал будильник. Васька что-то рассказывал. В то же время вынимал из кулька бумажные свертки. Клал на широкую доску, лежавшую на двух кадках. Это был стол. Яшка развернул круглый ситный, тот самый, что нес Демка, свешал на руке:

«Ого... фунтов шесть будет. Кажись, с изюмом. Я люблю».

Демка, оглядывая все, что попадало на глаза, незаметно прислушивался к Ваське-Мурлыке. Уж больно смешно рассказывал. Яшка то и дело улыбался. Но Лобан все-таки не мог полностью уяснить себе, о чем рассказывал Васька. Какие-то заковыки в словах... Не поймешь. Надоело. Бросил прислушиваться. Стал разглядывать товарищей. Больше нравился Васька, хотя и рыжеголовый и на лбу рубец... Должно, от драки заметка осталась... Зато глаза: веселые, смеющиеся и шустрые, как воробьи. Лицо белое. Нос длинный. Яшка совсем другой. Чумазый, как цыган. Голова, что жук. Лоб широкий, квадратный. Смотрит, ровно серчает. На разговор скупой: скажет слово — подумает: говорить ли дальше? Все это Демка заметил.

Рыжий Васька швырнул в угол порожний кулек, хлопнул в ладоши:

— Так, все готово.

Кивает Демке головой.

— Ну, товарищ! Придвигай свой ящик к столу. Будем ужинать.

Взглядывает на будильник.

— Эге... Третий час. Впрочем, и ночью есть можно. Было бы чего.

А есть действительно было что. Прямо на голлом столе лежали куски сыра, колбас разных

сортов и разных величин. Тут же зеленели свежие огурцы. Краснела в бумаге семга. Посреди, важно развалясь, лезла в глаза толстая перекрученная тонкой бичевкой, языковая колбаса. Ситный с изюмом весь был искромсан на крупные ломти. Черного хлеба не было.

Васька-Мурлыка подбадривал товарищей:

— Вваливай, ребята! будем сыты — будем богаты. А ты, Демка, наш гость. Брюха не жалея, ешь веселей! Харча хватит...

Яшка, запрятав в рот большой кусок колбасы, с трудом выговорил:

— Наедайтесь хорошенько. Я угощу вас новым чаем — малиновым. Сегодняшнего производства...

При этом Яшка многозначительно поглядел на Ваську. Тот чуть заметно повел бровью: ладно, мол, понимаю!

Все ели с большим аппетитом, кто что хотел. Демке особенно понравилась семга. Заедая ее свежим огурцом, он с достоинством большого знатока авторитетно заметил:

— Эта рыба первосортная. Колбаса языковая — тоже высшего качества. А копченая — второго сорта. Сыр — молодой.

Васька, уплетая сыр, прищурился на Демку.

— Ты, чорт возьми, не торговец ли? Уж больно знаток по провизии...

Демка смутился... Но ненадолго. И, не моргнув глазом, твердо солгал:

— Нет! По торговой части — я ни уха, ни рыла... Торгашей не обожаю. Они обманщики...

Яшка, разливая чай по глиняным кружкам, сердито бросил:

— Торговцы — все жулики! Я сам был торгашом. Сбежал...

Чумазый, в красной рубахе парень, сперва не нравившийся Демке, на этот раз подкупил его своей прямоотой... Он мужественно сознался:

— Я тоже торговал. Сразу сказать неловко было. Не серчайте...

И подробно рассказал про свою жизнь у Авдея Семеныча, не умолчав о том, как бросил в хозяина решето с яблоками и тухлые сосиски...

Яшка, скупой на слова, молча смотрел на рассказчика тем особенным взглядом, каким смотрят

на своих... Васька вихрем сорвался с места, так что ящик, на чем он сидел, с грохотом отлетел в сторону... Легкий, как акробат, рыжий парень, взвившись кверху, рассыпал по каменному полу мелкую дробь...

Стук каблуков гулко плясал во всех углах подвального здания... Глаза у него блестели...

— Молодец, Демка! Эх!.. Нужно бы все товары разбросать и палатку в клочки... Чтоб не смел драться, спекулянт проклятый! Сколько тебе лет?

Демка парень рослый, плечистый. Это он знал про себя и, не задумываясь, брякнул:

— Мне пятнадцатый пошел.

Васька, стоя, отхлебнул из кружки, радостно приветствовал:

— Ловко! Года подходят. Ты нам ровесник. Будем жить тройкой. Чем больше таких, как мы—спекулянтам от того хуже...

Демка, выковыривая пальцем из ситного изюминку, не поднимая глаз, спросил:

— Почему хуже?

Васька-Мурлыка выплеснул в рот остаток пахучего чая. Закурил. И, вероятно, чувствуя себя вполне взрослым, серьезно поглядел в сторону Демки.

— Ты читал книжку Стеньку Разина?

— Нет.

— Так вот. А мы с Яшкой читали. Атаман

Стенька Разин жил на Волге. Это было давно. Он имел много удалых молодцов. Они грабили именитых бояр, богатых купцов, а бедных не трогали... Разин не велел. Он за бедноту горой... Вот и мы, если много нас соберется, тоже спекулянтам зададим трезвону: все товары вдрызг... Чтоб не драли втрое и не морили бедных голодом... А пока нас мало — всего трое, как заглядится спекулянт—цап-царап, что попало, и айда наутек... Видишь!

Рыжий парень показал рукой на стол.

— Ели до отвала... И все еще много... Это я... Яшка тоже ловкий... Ему вчера не повезло.

Демка слушал внимательно. Уж очень понравился Стенька-атаман. Добрый. Бедных не обижал... Яшка с Васькой тоже простые ребята. Ешь, пей сколько хошь... Не жалеют. И спекулянтов не обожают. Одного Демка понять не может: зачем эти хорошие парни занимаются нехорошим делом? Вспоминает «Ваську-спекулянта».

Откашливается. Несмело замечает:

— Вот такая штука: ты за колбасу, а милиционер тут и есть... Что тогда?

Яшка брыльнул пальцами огуречную кожу... Почти сердито сказал:

— Мы не дураки! три месяца орудуем... Ни разу не влопались...

Такой ответ не удовлетворил Демку. Он ре-

шил возразить и даже поднялся с места... Но Васька рыжий, блеснув серыми глазами, предупредил его.

— Пущай острог! Не испугаюсь! Все расскажу без утайки. Я сирота. Жил у дяди. У него и сейчас рыбная лавка. Жулик из жуликов... На-жрался самогону, стал меня бить.. Я обругал его... Он ударил меня ключом по лбу... Видишь, какой рубец... Я вырвал у него клочок седой бороды и задал тягу.

Васька стиснул зубы... Прищурил вдруг потемневшие глаза... лицо стало злым...

— Эх! Будь у меня, как у Стеньки Разина, удалые молодцы... В пух и прах разнес бы дядину лавку... А ему самому по толстому рылу: на тебе, жулик!

Демке всегда нравились храбрые, отважные... А Васька, по его мнению, именно был таким. Он смотрел на него, как смотрят на героев. Про себя думал:

«Непременно будет атаманом. Видно по ухватке».

Яшка наморщил квадратный лоб. Опустил глаза. По лицу скользнула тень... Должно быть, и он вспомнил что-нибудь тяжелое...

А Васька, точно желая всех утешить, успокоительно закончил:

— Ладно, товарищи. Вырастем — и на нашей улице будет праздник...

Заводит будильник. Подходит с ним к лампе, приглядывается. Устанавливает стрелку.

— Так вот, ребята. Ложимся поздно. Все-таки встанем пораньше. На запасном пути стоит вагон с арбузами. Нужно пошукать... А теперь на боковую. Ты, Демка, валяй на сене. Подушки нет. Пинжак одеться возьми.

III

Демка, несмотря на поздний час, заснул не сразу. Впечатления дня сильно подействовали на его молодую душу. Новые мысли, как лучи во мраке, ярко сверкали в детском мозгу... Он смотрел на них, напрягался понять сущность и не мог... Уж очень быстро все случилось... Еще вчера утром не считал плохим занятием обвешивать, надувать... Наоборот, мечтал открыть свою торговлю и обделявать делишки так, чтоб комар носа не подточил... А вечером другое пошло. Конечно, Гаврик тому причиной. Ровно палкой ковырнул в мозгу... И книжку дал про «Ваньку-спекулянта». А вскоре с Васькой Рыжим встретился. Тайный ночлег где-то в подземельи... Всякие разговоры — Стенька Разин — храбрый атаман. На придачу подзатыльник... Решето с яблоками... Все это перемешалось, перепуталось... Распирало голову... Но больше думалось о новых товарищах. Пущай Васька превращает в щепу

дядину рыбную лавку. Пущай они с Яшкой крадут у спекулянтов... Не жалко. С одним не мог примириться: все-таки Васька с Яшкой — воры. С этой грустной мыслью Демка крепко заснул...

IV

Темно и душно. Как в плотно закрытом погребке... Мерно стучит будильник. Его отчетливые металлические звуки, усиленные каменной пустотой, кажутся ударами молота по наковальне... У стены, где свален в кучу всякий хлам, слышался непрерывный треск, шум, беготня и какой-то особенный воинственный писк. Будто крысы штурмовали крепость... Зазвонил будильник резко, неожиданно... И война крысиная, точно по команде, разом стихла... А через минуту громко зевнул Васька Рыжий.

— Яшка, вставай! Демка!

Голос у него сонный, с хрипотой. Помедлил немножко. Выругался:

— Вот дьяволы! Трубу наставь — не проснутся...

Шлепает босыми ногами по каменному холодному полу. Нащупывает в темноте Яшку, тянет за ногу...

— Вставай, подымайся! Стой, не батайся...

Яшка огрызается:

— Да ну тебя к чорту!

— Не лайся... Все равно спать не дам. Дело есть.

Ноги опять печатают по каменному полу, уверенно направляются к Демке. Голос добродушный.

— Эй, парнишка! Где ты тут?

Шарит руками по шуршащему сену...

— Ишь закопался, точно мышь в солому.

Не найдешь... Вставай, не зевай... Блины остынут. Пспели на той неделе.

Демка торопливо бормочет:

— А! Что?

Повертывается на другой бок. Чмокает губами:

— Погоди. Нужно тележку...

Васька смеется...

— Ну!.. Фекола замолола...

Когда Демка очнулся и понял, чего от него хотят — решил не просыпаться. Мычал... Городил вздор... Васька поднимал его, усаживал, тербил за нос... Отпускал шуточки... Балагурил... Но Демка, словно опоенный дурманом, выказывал полнейшую бесчувственность... Руки — как плети. Голова болталась во все стороны... Вялый, беспомощный, валился набок... В то же время сонно сопел, даже тихонько всхрапывал...

Ваське надоело возиться... Он бросил Демку в мягкое сено, прикрыл его пиджаком.

— Ну его к чорту! Пущай дрыхнет... Вот спит... Сто верст унесешь — не проснется... Да он, по-

жалуй, помешает нам... Нужно быть оборотистым... А он еще не привык... Ты, Яшка, поживей!.. Надо утречком обделать. Сторож теперь не караулит. Днем, мол, побоятся. А мы тут и есть...

Демка легонько похрапывал... В то же время не пропускал ни одного слова. Про себя думал:

«Васька—настоящий атаман! А все-таки я перехитрил его... Не пойду воровать арбузы. Можно втюриться...»

Приятели меж тем поспешно собрались, не зажигая лампы. Васька мимоходом уронил:

— Мы вернемся обратно, а он еще не проснется...

Дверь, скрипя и визжа, тяжело захлопнулась... Пустой каменный подвал дрогнул, отозвавшись гулким эхом — ух!... И все смолкло.

Демка прислушался к могильной тишине. Уперся глазами в черную неподвижную стену.

Ощутил внутри холодок... И будто не он сам, а кто-то другой за него шепнул:

— Страшно...

Закопался поглубже в сено. Решил тотчас крепко заснуть, чтоб ни о чем не думать. Едва закрыл глаза, как что-то легонько зашуршало... Демка насторожился. Шорох с каждым мгновеньем усиливался. Залезал в уши. Проникал внутрь. Становилось жутко... Почудились человеческие шаги, осторожно направляющиеся в его сторону. Волсы на голове зашевелились, будто по ним

ветерком подуло... Что-то с треском упало на пол... У Демки зазвонило в ушах... Будто его ударили по голове... В то же время раздался пронзительный писк... Демка радостно вострепнулся:

„А!! Это крысы...”

И вдруг стало весело. Хотелось смеяться над собой, обозвать себя трусишкой... Конечно, показалось... Ишь темень—глаза выколи... Что хошь покажется... А крыс он не боится. Чего бояться? Стоит только шумнуть али топнуть ногой—живо разбегутся... Становится на ноги, машет руками:

— Кши! Пши! Проваленные...

Нащупывает свой сапог, бросает в темноту — вж... бух... Эхо прыгнуло на потолок, гулко рассыпавшись по углам... И все стихло. Демка доволен.

— Ага... Испужались... Так-то лучше.

И опять закопался в сено. Но затишье продолжалось недолго. В темноту снова поползли шорохи... Раздался стук, писк... Демка не мог лежать спокойно. Его разбирала злость... Крысы над ним будто издевались. Замолкнут на минутку, спрячутся... А потом опять озоруют. Ишь бухают, ровно лошади... И здоровы, должно быть. Эва сколько!.. Во всех углах шныряют... Нужно зажечь лампу.

Быстро шагнул вперед и тотчас отпрыгнул назад, решив, что босиком опасно — укусить могут... Нужно обуться. Пошарил рукой... Вспом-

нил: одного сапога нет, забросил. Озлился... и другой пыльнул в воюющих крыс... Подумал. Тряхнул головой.

— Пойду!

И тут же спросил себя.

— Куда? Где лампа? В каком месте?

Стал припоминать, показывая руками:

— Если стол здесь—лампа тут. Сено, кажется, против ящиков. А ящики не то с правой, не то с левой стороны стола. Хорошо не помню. Заспал. Хоть бы капельку света. А то ведь ровно сажай все замазано... Зги не видно...

И вдруг различил среди крысиного шума мерное тикание часов. Казалось, что будильник сделал в темноте скачок, прыгнул к нему в уши и звучно заговорил металлическим языком: «я здесь! я здесь!»

Демка обрадовался:

— Постой... Будильник, помнится, у стены на ящичке. Стол, если смотреть отсюда, вправо, лампа влево. Тут же на стене полочка, на ней лежали спички.

Лобан повеселел. Теперь он найдет лампу. Крысы огня боятся...

— Только вот сапог нет, зря забросил... Босиком малость боязно. У них проклятых зубы, что шилья, насквозь проткнут...

Опять прислушался. Подумал. Храбро решил,

— Ладно! не боюсь...

Но когда занес ногу, чтоб шагнуть, показалось, что сию секунду он наступит на огромную крысу. Всего передернуло... Однако тотчас поборол страх и смело опустил босую ногу на каменный холодный пол... Будильник, точно маяк, светил ему своим четким тиканьем. Но непривычка действовать на слух, затрудняла передвижение. Он хорошо помнил, что пол ровный и нигде ничего не стоит, кроме старых ящиков, вон там, где воют крысы. И, все-таки, казалось, что вот-вот ударится обо что-нибудь головой... Пуще всего берег крепко зажмуренные глаза. Морщил напряженное лицо... Весь ежился, сжимался... Будто хотел пролезть в узкую щелку... Растопыренные впереди руки неуверенно шарили по воздуху... Подвигался медленно, как черепаха, не переставая думать о том: «а ну-ка да ухну в яму»... В то же время уверял себя, что ям здесь нет. Уши меж тем тянулись к тикающему будильнику, звуки которого становились все ближе и ближе. Вдруг Демка вскрикнул, отпрыгнув назад... Махнул рукой, задел за что-то...

— А, это стол! Я ударился об него ногой. А мне показалось, наступил на крысу...

Лобан прерывисто дышал.. Весь был в поту. Будто шел целый день, с тяжелой ношей на спине... Вспомнил слепого парня, ощупью пробиравшегося по стене. В руках палка... Глаза закрыты. Будто спит... Вслух подумал:

— Я вот немного в темноте... И то жутко... А слепые всю жизнь без света. Жалко!

Прислушался. Смерил ушами расстояние от будильника до стола. Кивнул головой:

— Сюда нужно.

И более уверенно подвигал влево. Чуть не носом ткнулся в стену... Пошарил по ней руками...

— Ага, лампа здесь! Стой, стой... Вот и спички!

Как только чиркнул спичкой—тьма испуганно шарахнулась во все стороны. А вместе с ней и крысы—кто куда попало... Демка ухмыльнулся...

— Что, проваленные... Бойтесь огня. Ишь стрельнули, точно воробьи от кошки...

Демка смотрел на желтый язычок с каким-то особенным чувством. Теперь он видит все. Куда хошь пойдет, не наткнется... А давеча, будто глаз не было.

— Теперь хорошо!

Заметил валявшиеся на полу сапоги. Обулся. Отыскал в сене картуз. Подошел к старому огромному дивану. Та часть, где не торчали вверх пружины, была застлана сеном. Вместо подушки чернели грязные тряпки. Тут спал Васька Рыжий. Только сейчас заметил висевшие над диваном два пиджака. Пощупал... Пригляделся... Решил, что пиджаки совсем еще новенькие. В мозгу промелькнуло:

— Свистнули... Острога не миновать...

А руки, как бы сами собой, сняли с гвоздика

черный пиджак. Демка развернул его, примерил на себя. Точь-в-точь. Словно на него шили. В уши будто кто-то шепнул:

— Вот хорошо! Бери. Ты в одной рубахе. У них много. Больше с ними не увидишься...

И вдруг озлился... Не хотелось верить, что эти мысли подумал он сам. Быстро сорвал с себя чужой пиджак, повесил на гвоздь... Взглянул на часы.

— Ого... Теперь солнце светит во-всю. А тут всегда ночь... Нужно удирать. А то вернуться — не вырвешься...

Сделал несколько шагов. Остановился: не забыл ли чего?

Усмехнулся...

— Картуз на голове. Рубашка на теле. Сапоги на ногах. Вот и все. Чист молодец.

Поглядел на лампу.

— Надо потушить. Так нельзя оставить. Выгорит керосин — распаяться может.

Но прежде чем привернуть лампу, хорошенько запомнил тот путь, по какому придется двигаться наощупь... И все-таки оробел, когда тьма заполнила все пространство. Не мог сдвинуться с места, будто на него вдруг навалили огромную тяжесть... Наконец осмелился и задвигал, как слепой, растопырив вперед руки... Напряженно думал, как бы не сбиться с дороги... Мелькала мысль и о крысах: а вдруг да по-давешнему...

И тут же успокаивал себя: не страшно. Он теперь в сапогах. А вот и дверь, железная, сырая, пахнущая ржавчиной... Уперся руками... Открыл с большим трудом... Стало жутко... Очутившись в темном коридоре, Демка снова оробел... Он совсем позабыл, с какой стороны вчера шли. Прислушался. Потянул носом... Слева несло неприятно тяжелым... Справа воздух был свежей... Подвигал в эту сторону. Чуть не упал на ступеньки, те самые, по каким спускался нынче ночью... Пройдя немного, заметил струйку света. Дальше шел свободней. Протискавшись в узкое отверстие, в какое вчера пролезал, очутился как бы на дне сухого колодца... Вверху синел кружок неба. Демка прикинул глазом. Покачал головой...

— Нет, здесь не три. Васька соврал. Это он для того, чтоб я не боялся прыгать... Аршин пять будет.

Огляделся. Кругом ничего, кроме валявшихся под ногами кирпичей.

— Вот черти! Как же они? Хоть бы жердь приставили...

И тут же смекает:

— Жердь нельзя. Другие могут... А так побоятся прыгнуть...

Еще раз пошарил глазами. Заметил в стене два маленьких углубления, одно над другим; повыше немного выступ. Демка подумал. Нахло-

бучил картуз. Подпрыгнул кверху. Крепко уцепился руками за первое углубление. Подобрал под себя ноги, выгнув спину дугой. Достал рукой второе углубление и, напрягшись, встал ногой на первое... Так же и на верхнее углубление. В то же время придерживался одной рукой за корявый выступ, другой — за стену. Пробыв с минуту в распятом положении, умудрился встать ногами на выступ. Собрался с духом... Напружился... И, подбросившись вверх, схватился налету за край... Повис в воздухе на руках... Никапли не испугался. Руки привычны. На деревьях, когда лазил, не так еще висел. Опять подобрал под себя ноги, с ловкостью кошки вскарабкался наверх... Передохнул. Поглядел вниз. Проник мысленно туда в темный, с железной дверью, подвал, наполненный крысами. Вспомнил на мгновение все им пережитое за эту страшную, жуткую ночь... Даже не верилось. — Неужто он, Демка, и в самом деле был там, куда ни за какие деньги теперь не пойдет. Поглядел на синее небо, на утреннее солнце. Вдохнул полной грудью свежий воздух. Вслух произнес:

— Как хорошо!..

V

Демка стоял на той самой горе, на какую с Васькой-Мурлыкой карабкался сегодня ночью. Влево — зеленел мелкий кустарник. Вправо —

блестела на солнце узкая речушка, с перекинутым через нее деревянным мостиком. Позади торчали разрушенные каменные стены. Внутри них завален всяким хламом темный подвал, откуда Демка только что освободился. Теперь он не думал о мрачном подземельи. Иное занимало. Он смотрел перед собой, на чернеющий вдалеке дымок, на блестящие купола храмов. То был город. Теперь Демка понимал, что Васька Рыжий завел его в сторону, версты четыре от железной дороги. В этой местности он никогда не бывал. Конечно, дорогу найдет. Теперь не ночь. Но куда итти,— к Авдею Семеновичу? Незачем... Больше некуда. Демка стоял на горе один. Кругом ни души. В синей рубахе, перехваченной черным ремешком, картузе, грязных сапогах. Весь был залит утренним сиянием. Слегка прищуренные глаза, наморщенный выпуклый лоб делали его похожим на взрослого, отягченного тяжелой думой... В самом деле, куда было итти? И все-таки Демка не раскаивался, что бросил в хозяина решето с яблоками. Он еще не знал, даже думать не мог, что предпримет в дальнейшем; но ясно чувствовал, что ни в палатке, ни в магазине, ни каким другим способом торговать не будет. Опротивело... Однако, куда никуда, а итти нужно было. Нельзя же стоять до вечера. Могут вернуться Васька с Яшкой. Энергично передернул плечами, будто расправляя крылья, быстро сбежал с горы...

Передохнул. Огляделся. Подумал с минутку, наморщив лоб, и зашагал по направлению к видневшемуся вдали городу.

VI

Маневрирующий паровоз, чистенький, подкрашенный, должно быть, недавно отремонтированный, щеголевато сновал по змеившимся на солнце блестящим рельсам. То он исчезал в массе вагонов, то вдруг выскакивал с противоположной стороны. Чудовищем подползал к одинокому вагону. Впивался в него железными клыками и, свистнув — ищи, мол, ветра в поле, — быстро мчал свою добычу... Демка сидел на сложенных сбоку линий старых шпалах и рассеянно глядел перед собой. Проходившее перед глазами будто не замечалось им. Весь он был в себе. Сто раз думал о том, что было. Разбирался, как мог. Ободрял себя. И тут же возникал вопрос: что предпринять? Нельзя же все время глазеть на снующие взад и вперед громыхающие вагоны. Сейчас тепло, солнце греет, а ночью куда? Неужто к Ваське с Яшкой? Нет, ни за что! Они ему совсем не нужны...

Сбоку раздался окрик:

— Эй, купчина!

Демка встрепенулся... Перед ним стоял стрелочник Петров, русобородый, простодушный, в железнодорожной фуражке, за поясом рожок, на

левой руке не было двух пальцев. Просто полюбпытствовал:

— Ты что здесь? Разве нынче не торгуете? Демка, не моргнув глазом, солгал:

— Ходил на третью версту по делам. Устал, сел отдохнуть.

— Так, так. А я вот сменился, иду с дежурства. И ходко зашагал по узкой тропинке. Демка смотрел ему вслед, подумал:

«Хороший человек, работающий; как приходит с дежурства — всегда что-нибудь делает... А сын — Володька Ступа — совсем не в него — выродок какой-то...»

В мыслях промелькнул Гаврик с балалайкой в руках, квадратный дворик, скамейка под тополем. Вспомнилась вся его городская трехмесячная жизнь. Тянулась она ровно, как нитка без узелка, и вдруг оборвалась... Да так, что концов не видно... Ни надставить, ни надвязать невозможно. Демка вздохнул:

— Ну и ладно. Пойду прощусь с Гавриком, и айда в деревню!

Чтоб не попасться на глаза хозяину, Лобан пошел другим путем. Войдя в ворота голубого полинялого дома, остановился у кухни, той самой, где недавно еще был полным хозяином. Поглядел в окно. Кровать стояла на прежнем месте и как бы звала: приходи, Демка, я жду тебя. Подумал, огляделся кругом, будто за ним следили, и решительно взялся за скобку. В коридорчике встретил хозяйку. Она сделала большие глаза, потом улыбнулась...

— Дема! иди в комнату. Авдея Семеныча нет. Садись. Я обедаю.

А через две-три минуты Лобан уже уплетал за обе щеки молочную лапшу... Хозяйка, взглядывая на его запачканное, обветренное лицо, матерински журила.

— Ах, ты, глупый... Разве так можно? Видишь, что вышло... Где ж ты ночевал? Долго ль простудиться? Вон мой Миша, взял да и помер.

Домна Тимофеевна всхлипнула...

— Так и ты... А мать после горься... Ведь ты один у нее. Другого помощника нет.

Демка размяк... Шмыгнул носом, положил ложку на стол. Уж больно жалостливо говорила хозяйка. Сжимает горло, и губы трясутся... В мыслях мать с Танькой, жалко... Им плохо без него...

А Домна Тимофеевна совсем уже ласково:

— Ну, ну, успокойся... Ешь печенку... Чай, со вчерашнего дня ничего не ел. Ах, ребята, ребята... Уж ладно. Ужо попрошу Авдея Семеныча. Конечно ты по глупости... Сам понимаешь, какое место... Держаться нужно...

Демка насупился... Вяло пережевывал вкусно пахнущую жареную печенку. Ему не нравились слова хозяйки: «Конечно ты поглупости». Совсем не по глупости, так надо, потому — не дерись... И местом Демка не дорожит, не хочет быть жуликом... К хозяйке зашел не за чем-нибудь, а за «Ванькой-спекулянтom». Нужно Гаврику отдать, его книжка.

Домна Тимофеевна поставила на стол кувшин с молоком.

— Выпей стаканчик с булкой, заправься хорошенько, потом уснешь. Видно по глазам, что мало спал... А вечером скажешь: — Авдей Семеныч, прости. Я, мол, по глупости!.. И все обойдется.

Демка напряженно молчал, упершись глазами в стол...

Хозяйка, накапав в стакан с молоком каких-то черных капель, матерински поучала:

— Ты совсем еще мальчик, хотя и ростом большой. Не гордись, нос не задирай... Всяко бывает. Может, что и не по шерсти... Перетерпи... Куда денешься? Мать у тебя бедная. Будешь жить у нас — семье поможешь. Окромя того...

Хозяйка понижает голос:

— Служи мне. Все рассказывай про хозяина; где бывает, с кем что говорит... В долгу не останусь. У меня есть сукно на пинжак и брюки, подарю. Матери суну ситчику, Таньке пригодится.

У Демки загорелись глаза... Уж больно соблазнительно блестело сукно, ровно сталь на солнце... Легко сказать: пинжак и брюки из нового сукна. И во сне о том не грезилось... Ситцу Таньке — тоже хорошо. Девка совсем обносила...

А слова хозяйки, словно вешний ручеек, нежно вливались в Демкины уши:

— Один будешь торговать. Он в лавке, ты в палатке. Жалованья прибавим. Тебе можно прибавить, ты смекалистый... Намедни Авдей Семеныч смеялся: «Демка, говорит, меня переменял: обязательно обвесит, и так ловко — не подкопаешься...»

Демка завожился на табурете... Неприятно было слышать о том, как он обвешивал покупателей... Показалось, будто кто-то обозвал его жуликом... Всего передернуло... Сукно, ситец, помощь ма-

тери, — все это куда-то вдруг исчезло. В мыслях замелькали «Ванька-спекулянт», милиционер и фартук, брошенный им вчера, чтоб вновь никогда не подвязывать. Быстро сорвался с места, отскочил в сторону точно ему дали тумака и грубо выпалил:

— Жить у вас не буду! Торговцы — жулики..

Сказал и сам испугался своих слов... А когда взглянул на разинутый рот, на выпученные глаза желтолицей хозяйки, совсем растерялся... Мелькнула мысль:

— А ну-ка хлопнется?..

Но Домна Тимофеевна не упала в обморок. Она долго смотрела на Демку недоумевающим взглядом, потом вдруг вспыхнула:

— Ах ты, поганец, мы-то жулики?!

Быстро выплеснула в рот остатки молока с лекарством. Стукнула стаканом о стол и подшагнула к мальчику, злая, с красными пятнами на желтом лбу.

— Говори: кто тебя научил? Откуда берешь книжки?

Лобан попятился назад. Жутко было смотреть на беснующуюся хозяйку... Боязливо думал:

«Обязательно чебурахнется...»

— Ишь, какой читака... Нужно дело, а он глупостями занимается...

Быстрым движением руки выхватила с полки ту самую книжонку, что Демка прочел.

— Вот, вот...

И «Сказ про Ваньку-спекулянта» мгновенно превратился в мелкие клочки...

Демка сделал плаксивое лицо.

— Чужая книжка. Чего отдам?

И вдруг рассердился:

— Не хочу у вас жить! на кой вы мне!..

Хозяйка вошла в азарт...

— Ах ты, стервец! Живо сапоги долой! Брюки сними, рубаху, картуз, все мое!

Демка, весь красный, энергично отбивался...

— Не отдам. Не сниму. Я три месяца за них трубил...

Истеричная, больная женщина окончательно вышла из себя... Сжала кулаки... Неистово взвизгнула... Лобан отскочил в сторону... А хозяйка, как-то неловко сгорбившись, подпрыгнула кверху и сразмаху упала на постель... Демка взглянул на вдруг помертвевшее лицо Домны Тимофеевны, на закатившиеся под лоб глаза, обомлел от страха... Потом, схватив с табурета фуражку, без памяти выбежал на улицу...

VII

Когда пришел в себя, подумал:

«Зря зашел к хозяйке, совсем незачем было: Ишь, что вышло... Может, умерла...» Холодок пробежал по спине... Но сейчас же успокоился.

«Нет, не умрет. С ней бывает... Шлепнется, полежит немножко и опять встанет. Вроде бы припадочная...»

Демка огляделся, пожал плечами:

«Куда иду? Ведь к Гаврику хотел...»

Усмехнулся...

«Вот так хозяйка! Всю память отшибла...»

Решительно повернул назад. Он не мог уяснить себе в точности, зачем идет к Гаврику, в то же время чувствовал к нему неодолимое тяготение. Хотелось повидать в последний раз, поговорить, сказать про книжку... Лобан сдвинул брови... Пожалел о том, что не выругал давеча хозяйку, а нужно, потому не рви чужую книжку. Не менее сильно озадачила Демку быстрая перемена Домны Тимофеевны. То ласкова, как мать, и подарки сулила, то вдруг на дыбы: «Снимай рубаху!...»

Лобан усмехнулся:

«Нашла дурака... Что ж я телешом пойду?» Мальчик конечно смутно разбирался... Но как бы там ни было, несмотря даже на то, что хозяйка прежде казалась ему хорошей, он на этот раз сравнивал ее с Авдеем Семёнычем,—оба плохие. И чтоб не думать о них—махнул рукой:

«Ну их! шут с ними... Мне что теперь? Я не буду у них жить».

Подошел к своему дому. Еще издали заметил у ворот Володьку Ступу. Этот здоровенный бело-

брысый парень, разувшись, с непокрытой головой, сидел верхом на Белке, уцепившись руками за длинные уши. Собака — гнулась, никла к земле, а Ступа сжимал ее коленями, тянул вперед.

— Но, но! Поедем!

Увидел Демку, соскочил, дурашливо рассмеялся.

— А, Лобан!

— Гаврик дома?

Ступа вынул удивленные глаза...

— Разве ты не знаешь? Они вчера переехали.

Демка только теперь вспомнил.

— Ах, да. Ведь Гаврик мне говорил, я совсем позабыл. Куда переехали?

— На Казарменную. Против водокачки. В красном доме.

Демка доволен был, что Гаврик переехал. Теперь не придется идти мимо хозяйкиной квартиры. Не хочется встречаться, опротивела... И Ступа, видно по всему, не знает, что он, Демка, больше не торгует. А то еще смеяться будет, дурашливый... Главное, не увязался бы с ним, помешал бы. Ему нужно быть с Гавриком наедине.

VIII

Небольшой квадратный садик, обнесенный желтым забором, залит был августовским солнцем. На одной из старых яблонь на самой верхушке

одиноко краснела уцелевшая анисовка. На зеленой скамейке под вишневым кустом сидел Гаврик с Демкой. Немного поодаль лежала врастяжку серая овчарка. Демка, волнуясь, горячо рассказывал. Гаврик, слегка наклонив голову, внимательно слушал. Когда Лобан окончил свою историю, Гаврик серьезно, как взрослый, заметил:

— Ты это хорошо, что по роже яблоками... Драться не смеет. Не прежнее время. Хозяйка тоже озорница... Ну их, спекулянтов!

Демка повеселел. Теперь у него есть союзник. Он заранее знал, что Гаврик его поймет. Так и вышло. Но Лобан не все рассказал своему другу. Умолчал про темный подвал. Боязно было. Чего доброго, скажет: ты, Демка, ночевал у жуликов. Неловко... Пуще того, у Гаврика двоюродный брат комсомол. Живо сцапает Ваську с Яшкой... Жалко. И все-таки подмывало рассказать. Уж больно интересно... Но Гаврик, как бы не желая знать про темный подвал, задумчиво спросил:

— Ты что будешь делать?

— Ничего. В деревню надо.

Гаврик запустил руку в густую листву вишневого куста, нащупал сухой сучок, звучно его переломил, стал чертить им по серому песку.

— А где лучше — в деревне или в городе?

— В городе веселей, антиресу больше...

Замолчали. Серая овчарка громко зевнула, показав желтые клыки. На забор шумно взлетел

матерой петух. Качнулся назад, вперед, укрепился и, звучно хлопая крыльями, пропел глухим басом: ку-ку-ре-ку! Сидевшие по соседству воробьи маленькими комочками нырнули в воздух... Гаврик поднялся с места. Лицо озабоченное. Не глядя на товарища, коротко бросил:

— Ты посиди, я сейчас вернусь.

Демка сорвал вишневый листок, приложил к губам, втянул в себя... Листок, треснув в середине, звучно хлопнул... Демка улыбнулся. К нему подошла овчарка. Строго посмотрела в упор сквозь свисшие на глаза серые космы; чуть заметно качнула кудлатой головой, как бы хотела сказать: не знаю этого мальчика... и медленно пошла прочь. Демка разглядывал ее пушистый хвост, думал:

«Умная, не тронула... Такая была у нас в лесу».

Перед глазами тотчас вырастает березовая роща, та самая, что находится в версте от его деревни. Блестит она на солнце — кудрявая, зеленая, в белом одеянии. В роще есть огромная поляна. На ней Демка часто разводил костер с Петькой Зайцем, — и вдруг картина меняется. Стоит Петька Заяц, упершись глазами в землю, вихрастый, неумытый. Пришел проститься с Демкой. А тот, держа в руках топор, серьезно отвечает: «Да, брат, еду в город подработать на коровенку». Эти слова, сказанные три месяца тому назад, вызвали

на лице Демки грустную усмешку. Хотя тут же успокоил себя:

— Что ж, если бы жил — и коровенку купил бы. А теперь конечно в деревню приходится...

Вприпрыжку подбежал Гаврик. Лицо возбужденное, глаза поблескивают. Ударил Демку по плечу...

IX

— Идем к нам, папа зовет.

Николай Михалыч, отец Гаврика — черноусый в серой блузе, укладывал на самодельную этажерку книги, газеты, брошюры. Гаврик с Демкой помогали ему. В смежной полутемной комнатке возилась около кровати его жена — худощавая голубоглазая блондинка. Дымчатый кот, развалившись на подоконнике, лениво щурился на солнце. Николай Михалыч закурил.

— Ну, ребята, с литературой покончили. Ты, Гаврик, помоги матери, а мы с Дементием займемся посудой. Идем.

Николай Михалыч и Демка оба юркнули в малюсенькую кухонку. Николай Михалыч бросил в раковину окурок, выволок на середину укрученный веревками ящик, стал развязывать. А Демка думал о том, что ему скажет этот умный человек (все его так звали). Даже Володька Ступа, и тот сказал: «Николай Михалыч инструктор, а в такую должность дурака не поставят...»

Демка также понимает. Он ждет не дождется, когда с ним заговорит Николай Михалыч. Не зря же позвал.

— Ну, Дементий, ящик открыли. Займемся разгрузкой. Тарелки с мисками ставь на стол, а горшки с чугунами можно на пол. Держи. Вот так. Аккуратней, не разбей... А расколешь — Авдею Семенычу пожалуюсь...

Демка понимал, что с ним шутят. Это его ободрило.

— Не боюсь! На кой он мне...

— Ого, какой храбрый... Впрочем, ты здорово огрел хозяина... Гаврик все мне рассказал.

Демка вспыхнул... Как-то неловко стало...

А Николай Михалыч, закулив, сел на табурет.

— Так-с, Дементий. С посудой справились. Теперь давай потолкуем. Значит, торговать не хочешь, опротивело... Верю. Я, брат, сам сбежал из овощной лавки. Не по нутру было. Торговля — скверная штука. Затянешься, как «Ванька-спекулянт». Ты ведь читал?

Демка слушал внимательно, наморщив лоб, и чего-то ждал. Николай Михалыч, как бы угадав его мысли, заговорил с ним дружески, тепло:

— Торговля что... Нажива портит человека... Тебе нужно научиться какому-нибудь ремеслу. Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Да, маловато. Но ты выглядишь старше. Тебе можно дать шестнадцать.

Докурил папиросу, поднялся с места, положил Демке на плечо рабочую руку.

— Хочешь в слесаря?

Демка заволновался, с трудом выговорил:

— Х-хочу.

— Так вот, Дементий, ты парень рослый, крепкий, и кажется смысленый. Я устрою тебя в наше депо.

Лобан затрепетал от радости... Раскрыл рот... Но сказать ничего не успел, так как в это время подошла мать Гаврика. Она взглянула на посуду и с живостью заметила:

— Вот как... Уже разобрали! Молодцы.

Николай Михалыч отодвинул ногой опорожненный ящик, деловито обратился к жене.

— Знаешь, Даша, Дементия я беру к себе в слесаря. Он сам охотится. Первое время поживет у нас, а там видно будет.

Дарья Васильевна ласково посмотрела на Демку.

— Это хорошо, что сам охотится. Пускай живет у нас. У меня есть блуза, помнишь, коричневая, ее еще можно поносить, и кепка, что тебе узка. Завтра снаряжу его — вполне будет рабочий.

Николай Михалыч добродушно рассмеялся.

— Ну, Дементий, тебе везет... Только не ленись. Днем стучи молотком, ремеслу обучайся, а вечером с Гавриком в школу ходи. Научишься — паровоз смастеришь; сядешь на него, возьмешь книжку в руки, да и айда в деревню. По-

работаешь в поле, поможешь матери, прочтешь книжку товарищам — и опять в депо. Разве плохо?

Стоявший рядом с матерью Гаврик, блестя черными глазами, горячо заявил:

— Папа, мы с Демкой поступим на рабфак и непременно запишемся в комсомольцы.

Отец поощрительно улыбнулся..

— Конечно, конечно! На то и молодежь, чтоб записываться в комсомольцы.

Дарья Васильевна ласково взглянула в лицо Демки, погладила сына по голове:

— Ах вы, коммунисты!

Демка смотрел на всех тем особенным взглядом, каким смотрят в момент большого, так неожиданно привалившего счастья... Мог ли он думать о том, что будет работать в огромном депо, обучаться слесарному мастерству и на ряду с этим посещать вечернюю школу, не деревенскую, а городскую школу! Пуще того, и во сне не снилось то, что он, Демка, совсем чужой мальчишка, будет жить у этих добрых людей, так горячо принимающих в нем участие. От всего этого распирало в груди, и казалось, что он вырос до самого потолка... Взмолнованный, сияющий, Лобан не знал, что делать от радости: не то ему плакать, не то смеяться...

ЗАДАНИЯ УЧЕНИКУ.

Для беседы по поводу повести «Демка Лобан» проработайте следующие задания, распределив их между собой:

1. Обратите внимание на то, как живет Демка дома — богато или бедно живет его семья и откуда видно, как им живет. Расспросите своих деревенских товарищей о том, как жилось их семье во время и после мировой войны, как им живет теперь; узнайте, что мешает наладиться вполне крестьянскому хозяйству теперь. Что делает советская власть, чтобы это хозяйство улучшить? Пусть опишут ваши деревенские товарищи лучшее хозяйство у них в деревне, а если вы сами были в деревне и видели образцовое хозяйство, расскажите о нем. Что такое совхоз? Если были в нем, опишите, что вы там видели, или попросите устроить экскурсию в ближайший совхоз и опишите его. Нет ли у вас своего хозяйства при школе (огород, поле, пашня)? Опишите его.

2. Припомните, каким был Демка в деревне и каким стал в городе. Постарайтесь объяснить, почему он так изменился. Узнайте, что называется частной торговлей, государственной и кооперацией. Поговорите с каким-нибудь из мальчиков, торгующих у хозяина в палатке, в каких условиях он работает, если удастся, поговорите также с продавцами государственного магазина и кооператива, расспросите, как они работают и как живет им. Узнайте или припомните,

если вы уже узнали об этом на уроках обществоведения, какими способами советская власть защищает трудящихся от злоупотребления их трудом со стороны частных хозяев. Не приходилось ли вам или кому-нибудь из ваших товарищей читать в газетах о суде советской власти над частными предпринимателями, злоупотреблявшими наемным трудом; если читали, расскажите об этом.

Определите, к какому классу относятся мелкие лавочники. Правда ли, что Авдей Семеныч благодетель семьи Демки? Припомните еще рассказ, где был такой же «благодетель». Как относится власть рабочих и крестьян к таким «благодетелям»?

3. Обратите внимание на то, что заставило Демку задуматься над его жизнью у лавочника. Кто такой Гаврик и почему он дал Демке книжку «Вапья-спекулянт»? Припомните, не было ли в вашей жизни таких случаев, когда кто-нибудь оказывал на вас или на кого-нибудь другого из ваших товарищей хорошее влияние; опишите этот случай.

Какая из прочитанных вами ранее книг произвела на вас самое большое впечатление? Не было ли случая, когда книжка заставляла вас серьезно задуматься над чем-нибудь в вашей жизни? Опишите, какая книжка и над чем она заставила вас подумать. Приведите еще примеры из жизни, когда книга оказывала большое влияние на человека.

4. Обратите внимание на то, как хозяин Демки отнесся к книжке, и объясните, почему он так к ней отнесся. Как относилось царское правительство к просвещению народных масс и почему оно так к этому относилось? Как относится к народному образованию советская власть?

5. Опишите характер Демки. Какое значение он имел в семье? Как он относится к сестренке, к товарищам, к работе, с какими мыслями он идет в город? Как он относится вначале к своей работе у хозяина, о чем он мечтает? Как он относится к Гаврику, за что он его уважает? Почему

так сильно подействовала на Демку книжка о «Ваньке-спекулянте»? Как относится Демка к беспризорным ребятам, которые его приютили? Почему он бежит от них? Какая участь могла постигнуть на Демкином месте другого, менее разумного и самостоятельного мальчика? Чем вы объясните то, что отец Гаврика устроил Демку на заводе, — тем ли, что Демке просто повезло, или тут была другая причина какая?

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Прочтите историко-революционные книги
Л. САВЕЛЬЕВА

ВЗРЫВ ВО ДВОРЦЕ

Рисунки П. Алякринского

Стр. 24.

Ц. 10 к.

КОМНАТА № 13

(Печатается)

НОЧЬ СЪЕЗДА СОВЕТОВ

Рисунки П. Алякринского

Стр. 77.

Ц. 20 к.

ОХОТА НА ЦАРЯ

Гравюры на дереве С. Мочалова
Второе издание

Стр. 31.

Ц. 15 к.

Покупайте книги в магазинах и отделениях Госиздата

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

БОРИС БУХШТАБ

ГЕРОЙ ПОДПОЛЬЯ

Историческая повесть
Гравюры на дереве С. Мочалова

Стр. 90.

Ц. 50 к.

В. КАВЕРИН

ОСАДА ДВОРЦА

Рисунки Н. Тырсы
Третье издание

Стр. 54.

Ц. 25 к.

Н. ОЛЕЙНИКОВ

БОЕВЫЕ ДНИ

Рисунки В. Кобелева
Третье издание

Стр. 40.

Ц. 12 к.

Л. БЕРМАН

СЕВЕРНАЯ КОММУНА

Социалистическое строительство Ленинградской области.
Сельское хозяйство. Кооперация. Электрификация. Про-
мышленность.

Допущено Гусом

Стр. 234.

Ц. 90 к.

Покупайте книги в магазинах и отделениях Госиздата

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕЧКА ШКОЛЬНИКА I СТУПЕНИ

Составил Е. Перовский

Библиотечка составлена из лучших антирелигиозных литературно-художественных произведений Серафимовича, Польячева, Неверова, Гусева-Оренбургского, Чехова, Вересаева, Короленко, Д. Бедного, А. Яковлева, Уэльса, Киплинга, Волжского, Богданова, Волкова, Гумилевского и др. Произведения взяты как в целом виде, так и в законченных частях и в необходимых случаях методически обработаны применительно к возрасту учащихся старших групп (3-й и 4-й) школы I ступени.

Библиотечка состоит из 9-ти выпусков размером каждый в 1½ — 4 печ. листа. Каждый выпуск посвящен определенн й теме — идее и дает методически подобранный ряд рассказов и стихотворений, художественно отображающих данную идею в интересных и доступных для школьника I ступени сюжетах и

дные суеверия из мира

ного здоровья. (Вред
ов лечения.)

не помога. (Религия
йству.)

* люди. (Религия ни-
ьтурности в семейном

помещиков и капита-
я порабощения рабо-
а капиталистов и по-

и по науке. (Борьба
р, мешающий и тор-

и. (Чудеса и мощи —
плоатации ими масс.)

ебетники. (Практиче-
различных религий.)

создает себе богов.
ные существа; кому

ЮСТРИРОВАНЫ.

елениях Госиздата

257989

Библиотечка
для детской школы
Ленинград

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЛУЧШИЙ
ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ „ЕЖ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 ГОД

В НОВОМ „ЕЖ“ БУДЕТ ВЫХОДИТЬ ВМЕСТО
Г О Д У ОДНОГО РАЗА 2 РАЗА В МЕС.

В 1930 году „ЕЖ“ даст своим подписчикам
24 номера журнала
и 12 интересных приложений

П Р И Л О Ж Е Н И Я:

1. Что мы строим — книга инженера Ильина. 2. Военно-морской сборник. 3. Карта с приключениями. 4. Bloшинный учитель—книга Макара Свирепого. 5. Книжка самоделок—Б. Житкова. 6. Слононок — Р. Киплинга. 7. Пятилетка — модели для вырезывания и склеивания. 8. Перелет Москва — Нью-Йорк — игра. 9. Путешествие Макара Свирепого по Советскому Союзу—игра. 10. Взятие Зимнего — игра. 11. Днепрострой — модель для вырезывания и склеивания. 12. Охота—панорама.

Приложением к журналу „ЕЖ“ дается многокрасочный, богато иллюстрированный ежемесячный журнал для младшего возраста „ЧИЖ“.

В „ЧИЖЕ“ принимают участие детские лучшие писатели и художники.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

	На 12 м. руб. к.	на 6 м. руб. к.	на 3 м. руб. к.
„ЕЖ“ без приложений	3 60	1 80	— 90
„ЕЖ“ с 12 прил. и дошк. ж-л „ЧИЖ“ .	8 —	4 —	2 —
„ЕЖ“ с 12 приложениями	5 —	2 50	1 25
„ЕЖ“ с прилож. и дошк. ж-л „ЧИЖ“ .	6 —	3 —	1 50

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В МОСКВЕ: Периодсектором Госиздата — Москва, Центр, Ильинка, 3.
В ЛЕНИНГРАДЕ: Пр. 25-го Октября, 28, Ленинградским Отделением Государственного Издательства; во всех провинциальных отделениях Государственного Издательства и уполномоченными Гиза, снабженными соответствующими удостоверениями, а также в контрагентствах и почтовых конторах и во всех книжных магазинах и лавках потреб. кооперации Ленинградской области.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА 1930 ГОД